

1-В ЭПБ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ,
ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

Въ Санкт-Петербургѣ, въ Типографіи Императорскаго Университетскаго Издательства, въ 1854 году.

Цензоръ Н. Шейкеръ.

*Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρόν, τὸ ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γινῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρω
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνδρῶπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγνομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλειπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Secret. apud Xenophont. iv, 8, 9.

ТОМЪ СТО-ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Университетскаго Издательства, въ 1854 году.

Въ ожиданіи, пока оно кончится, тѣло набальзамировали, надѣли на него уродливыя воротнички, чудовищный бѣлый галстухъ и бумажный колпакъ съ голубымъ бантикомъ, и выставили его на катафалкѣ, а черезъ нѣсколько дней положили въ гробъ, въ которомъ было сдѣлано съ боку отверстіе со стекломъ, чтобы желающіе могли видѣть лицо покойника.

Пока умершій стоялъ въ павильонѣ вильфраншскаго лазарета, одинъ сметливый жидъ вызвался купить тѣло, чтобы показывать его въ Англіи. Впрочемъ это былъ не простой торгашъ: онъ уважалъ искусство, и предложилъ графу Чессоле за мумію тридцать тысячъ франковъ. Заломонъ льстилъ скрягѣ даже въ гробу! Онъ былъ увѣренъ, что маэстро не разсердится на деньги, и не дастъ ему оплуехи, какъ мертвый Сидъ толедскому жиду.

Тридцать тысячъ франковъ! Да это сборъ съ нѣсколькихъ концертовъ!... И даже послѣ смерти виртуозъ!

(Illustr.)

ЗАМѢТКИ ПУТЕШЕСТВУЮЩАГО ВОКРУГЪ СВѢТА.

Новыя развалины Парижа. — Переселеніе душъ. — Охота на журнальных утокъ. — Коротенькая исторія длиннаго сюртука. — Жертва моды. — Финансы парижскихъ театровъ. — Брессанъ. — Венеціанскій купецъ во французскомъ вкусѣ. — Новый анекдотъ по случаю старой драмы. — Музыкальныя послѣдствія окорока. — Итальянская опера въ Лондонѣ. — Театральный боксъ. — Pas de deux мастодонтовъ. — Литературныя новости. — Бумажный пантеонъ. — Равнодушіе къ живымъ и уваженіе къ умершимъ. — Аукціонная продажа двухъ кабинетовъ. — Рѣдкости антиварія и соусники актрисы. — Живая покойница и слезы Жюль Жанена. — Смерть Рубини и Бланки. — Гармонія надъ гробомъ Доницетти. — Макробиотика. — Примѣры баснословной старости. — Можно ли продлить человѣческую жизнь? — Застрахованіе жизни всѣхъ націй. — Миллионныя компаніи на акціяхъ. — Состояніе желѣзныхъ дорогъ во Франціи. — Выставка допотопныхъ животныхъ. — Новый металлъ. — Причины зоба и кретинизма. — Статистика дождей. — Просьба вдовы Эрштедъ. — Земледѣліе во Франціи. — Новая планета. — Исполинскій букетъ. — Петерманова теорія сѣверныхъ льдовъ. — Новыя догадки о Франклинѣ. — Экспедиція между пламенемъ и льдомъ. — Новости англійской и американской литературы: Норвегія и ея ледники, — Скандинавскія приключенія, — Путешествіе по Амазонкѣ и Ріо-Негро, — Исторія Юкатана.

Какъ ни вертишь калейдоскопъ иностранныхъ новостей, одно стеклышко, покрупнѣе прочихъ, всякій разъ отдѣляется

въ узорѣ и первое бросается глазамъ въ пестрой мозаикѣ. Стеклышко это — Парижъ, вѣчный форумъ новостей, который глотаетъ ихъ, какъ акула морскихъ мошекъ. Чтобы утолить голодь новизны, сегодня онъ печально хоронитъ знаменитости, чтобы завтра же смѣяться въ глаза тѣмъ, кто ихъ оплакивалъ; надѣваетъ на себя зимою коротенькое пальто — и путается въ длиннополомъ сюртукѣ, когда на улицахъ грязь по колѣна; клянется во всеуслышаніе, что антипатія Французовъ къ Англіи глубже Ла-Манша, который раздѣляетъ ихъ — и, черезъ день, увѣряетъ, что Робертъ Макеръ и Джонъ Буль всегда были и будутъ Орестомъ и Пиладомъ; восхищается улицей Риволи — и ломаетъ се безъ жалости....

По словамъ *Парижской муниципальной газеты*, которой очень хорошо извѣстно все, что касается столицы, къ іюню 1853 г. сломано, или было назначено въ сломку, 1945 домовъ; впрочемъ изъ нихъ 1260 стояли на курьихъ ножкахъ. Сломанныя строения эти стоили 45,000 фр.; новыя, считая и стоимость мѣста, обойдутся въ 260,000 фр. Но если принять въ соображеніе, что, послѣ этого времени, назначено проложить новыя улицы на всѣхъ пунктахъ Парижа, то число домовъ, которые ожидаютъ разрушенія, дойдетъ до десяти тысячъ. Такимъ-образомъ, въ очень короткое время будетъ сломана и перестроена треть, или по-крайней-мѣрѣ четвертая часть жилищъ. Можно представить безпрестанныя переселенія жителей. Изъ одного официальнаго документа видно, что, въ послѣдніе годы, 6014 недвижимостей вполне или частію отчуждены городу, и что, вслѣдствіе этого, 2767 хозяевъ и 3398 жильцовъ лишились собственности или должны были перемѣнить квартиру. Если предположить, что каждое семейство состояло, среднимъ числомъ, изъ пяти членовъ, то выйдетъ, что 30,853 души должны были искать новаго убѣжища.

Въ настоящую минуту улица Риволи можетъ дать самое вѣрное понятіе о бульварахъ города Санъ-Франсиско — послѣ пожара. Промышленность уже поселилась между горами щебня. Иныя вывѣски уже застрѣли на домахъ, еще не подведенныхъ подъ крышу; другія, напримѣръ, въ луврскомъ окологѣ, упрямо остались посреди развалинъ. Многія изъ перестроенныхъ улицъ

еще не получили положительныхъ названій, и названы какъ-нибудь, до поры до времени; на иномъ домѣ еще не выставлено никакого нумера, на другомъ цѣлыхъ три — новый, прежній и оставшійся отъ баснословныхъ вѣковъ. Многія улицы въ разныхъ кварталахъ носятъ одно и тоже имя, — что не очень удобно, особенно для путешественниковъ, которымъ, иногда, долго приходится путешествовать по городу, пока отыщутъ кого надо.

Даже знаменитое каштановое дерево въ Тюльрійскомъ саду пострадало, по-крайней-мѣрѣ отъ журнальнаго скептика. Можетъ-быть, господинъ этотъ и правъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, всѣ толкуютъ объ этомъ феноменѣ, который аккуратно каждый годъ, въ 20-е марта, покрывается цвѣтами — а между-тѣмъ никто не знаетъ, гдѣ это дерево: одни утверждаютъ, что на большой аллеѣ; другіе видѣли его на террасѣ; третьи — въ какой-то рощѣ.... Ищите! Знаменитый каштанъ — просто выдумка досужаго журналиста старыхъ временъ, или же собирательное имя, которое сбиваетъ съ толку любопытныхъ. Вѣрно то, что каштановое дерево.... деревьевъ. Въ половинѣ марта, въ Тюльри было нѣсколько каштановыхъ деревьевъ, въ которыхъ сокъ уже поднялся изъ ствола по вѣтвямъ, и брызнула розовыми почками и маленькими свернутыми листьями сѣро-зеленоватаго цвѣта, которые только ждали солнечныхъ лучей, чтобы раскинуться вѣтромъ. Въ саду каждый годъ бываетъ по нѣскольку такихъ скороспѣлокъ. И такъ, съ нынѣшняго года, прославленное дерево 20-го марта — пуффъ, старая журнальная утка, и Парижане уже не станутъ бѣгать въ Тюльри, гдѣ этотъ живой календаръ поздравлялъ ихъ съ весною.

Да и к чему? Весна уже показалась въ амазонкѣ, съ хлыстикомъ, подъ блондовой воалью; бархатъ спрятался въ гардеробъ, чувствуя, что онъ анахронизмъ въ царствѣ пу-де-соа, докторъ философіи въ кружкѣ безпечныхъ поэтовъ. Делиль и К^о приводятъ въ отчаяніе карманы мужей, мирятъ и разрушаютъ домашнее счастье. Бѣдный шелковый червячекъ! Думалъ ли ты, что послѣ столькихъ превращеній, сдѣлаешься яблокомъ раздора?

Мужчины, которые сколько-нибудь претендуютъ на боньтонъ, являются на прогулкахъ не иначе какъ въ длинныхъ реденготахъ. Мода безпрестанно бросается въ крайности: ужъ

таковъ у ней характеръ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому, пальто были чѣмъ-то въ родѣ жилетовъ; теперь они хлещутъ по каблукамъ. Нелѣпо, смѣшно — но мода.

Недавно одинъ денди, прожившій полгода въ провинціи, въ деревнѣ, воротился въ Парижъ — съ крепомъ на шляпѣ, и богатымъ наслѣдствомъ послѣ тетки. Чтобы разсѣяться отъ горести и блеснуть, онъ заранѣе заказалъ щегольской экипажъ, и едва ступилъ на парижскую почву, какъ тотчасъ же увѣдомилъ о своемъ приѣздѣ нѣсколько лицъ, къ которымъ питалъ особенное расположеніе, и прежде всего очаровательную вдову, съ которой познакомился прошлой зимою. Денди писалъ, что онъ счелъ бы за счастье, еслибъ могъ встрѣтить ее завтра въ Тюильрійскомъ саду — разумѣется, если будетъ хорошая погода. День, какъ нарочно, улыбнулся счастливцу чистѣйшимъ сафиромъ. Гуляющихъ въ Тюильри было множество. Денди приѣхалъ въ купе, запряженномъ въ удивительную пару; кучеръ и лакей были въ траурѣ. Все это бросалось въ глаза, и значительно говорило въ пользу богатаго наслѣдника. Но какъ онъ полгода не былъ Парижаниномъ, то и отсталъ отъ современной моды. Молодой денди смотритъ, вглядывается.... Точно! всѣ порядочные люди въ длинныхъ сюртукахъ; только на немъ одномъ коротенькое пальто, правда отъ Шевреля, новое, но все-таки денди не можетъ не сознаться въ печальной истинѣ, что онъ отсталъ отъ моды на цѣлые двѣнадцать вершковъ. Это еще не бѣда, еслибъ ему надо было встрѣтить кого-нибудь; но онъ ждетъ даму, которая вникаетъ во всѣ мелочи костюма и придаетъ огромное значеніе всему, что касается туалета. Если она увидитъ его въ отсталомъ пальто — онъ навсегда упадетъ въ ея мѣшину.... Что станешь дѣлать? Времени мало, остается всего пять минутъ...

Вдругъ молодой человекъ улыбнулся; въ головѣ у него блеснула мысль и разсѣяла облако безпокойства. Онъ выходитъ изъ саду. Лакей, отпирающій дверцы — стройный мальчикъ, въ изящномъ черномъ сюртукѣ, до лодыжки, какъ обыкновенно шьются ливрейные сюртуки, но только, на этотъ разъ, по случаю траура, безъ галуновъ и металлическихъ пуговицъ: черный съ черными пуговицами.

— Прекрасно: этого мнѣ и надо! сказалъ молодой человекъ.

И, потомъ, обернувшись къ лакею, прибавилъ:

— Полѣзай въ карету!

Лакей повинуется.

— Сними сюртукъ.

Исполнено. Господинъ, въ свою очередь, входитъ въ карету, снимаетъ пальто и надѣваетъ длинный лакейскій сюртукъ. Теперь не скажутъ, что онъ отсталъ отъ моды! Денди возвращается въ Тюильри, мететъ аллеи, встрѣчаетъ очаровательницу. Дивная смѣрила сюртукъ быстрымъ взглядомъ, и была такъ любезна къ молодому денди, какъ только можетъ быть любезна дивная къ человѣку, который одѣтъ съ безукоризненнымъ изяществомъ и, слѣдовательно, представляетъ всѣ гарантіи для дамы со вкусомъ.

Вотъ еще коротенькая исторія о модахъ.

Жоржу двадцать-пять лѣтъ. У него столько же тысячъ ливровъ годоваго дохода, сколько лѣтъ, а друзей въ десять разъ больше, нежели тысячъ. Онъ носитъ бакенбарды въ видѣ котлетокъ, сѣдлаетъ носъ черепаховымъ ринсе-пез, во вкусѣ бабушекъ, и раздѣляетъ волосы проборомъ, который начинается на лбу и теряется на затылкѣ.

Жоржъ — вѣчный рабъ моды. Въ настоящую минуту онъ носитъ длиннополый сѣрый сюртукъ—сливки бонъ-тона... 1805 года; но только, для отличія отъ толпы, заказалъ, собственно для своей персоны, шесть аршинъ сукна небывалаго цвѣту—*gris-macadam*. Сюртукъ произвелъ фуроръ, потому-что на него смѣшно смотрѣтъ, а въ дѣлѣ моды—извѣстная истина — чѣмъ безобразнѣе вещь, тѣмъ она оригинальнѣе. По милости новой моды, Жоржа нѣсколько разъ принимали за лакея; теперь онъ не человѣкъ, но гравюрка *Журнала для портныхъ*, вывѣска, вѣшалка. Оттого портному Жоржа заказываютъ теперь платье только *спро-шоссейнаго* цвѣту. Но какъ быть? Такого сукна нѣтъ въ магазинахъ.

— Жилетъ! гетры! Что-нибудь, но только изъ такого сукна, какъ у Жоржа! Иначе перестаемъ заказывать, говорятъ три главные кліента.

Портной составилъ въ головѣ маленькій стратегическій планъ, и разъ, въ понедѣльникъ, приходитъ къ Жоржу.

— Что скажете?

— Съ-тѣхъ-поръ какъ я имѣлъ честь, маркизъ, доставить вамъ этотъ макадамъ, который бьетъ по каблукамъ, мода перемѣнилась: сюртукъ прикрываетъ колѣни до половины.

— Прекрасно; сравняйте съ модой.

— Сію-минуту.

Портной вынулъ изъ кармана огромныя ножницы, мигомъ обрѣзалъ лъвиную кожу, и воротившись домой, выкроилъ для одного кліента жилетъ.

Но, на другой день, приходитъ второй кліентъ, и требуетъ утреннюю весту изъ моднаго макадама.

Во вторникъ портной опять является къ Жоржу.

— Еще перемѣна, маркизъ! восклицаетъ артистъ: сюртуки на поларшина выше колѣнъ!

— Хорошо!

И хитрецъ ловко отстригъ еще кусокъ матеріи, и убѣжалъ съ сокровищемъ.

— Послушайте, любезнѣйшій, вѣдь это изъ рукъ вонъ! говоритъ третій кліентъ: если вы сшили Иксу жилетъ, а Зету камзолъ, то я не вижу причины, отчего не сшить мнѣ гетры.

— Получите двѣ пары, отвѣчалъ портной.

Въ среду новый визитъ джентльмену.

— Опять! закричалъ Жоржъ.

— Длинный сюртукъ негодится въ нынѣшнюю грязь: да здравствуетъ курточка!

И ножницы окончателно отрѣзали полы.

Если Жоржъ встрѣчается на бульварѣ и ему хохочутъ въ глаза, онъ очень просто отвѣчаетъ:

— Такая мода!

Вѣроятно, изъ этой моды скоро выкроютъ водевиль, который доставитъ хорошій сборъ театру.

Впрочемъ парижскіе театры и теперь не могутъ пожаловаться. Напримѣръ, въ теченіе февраля, на театрахъ, получающихъ денежное пособіе, собрано 417,197 фр. 59 сент.; на второстепенныхъ — 711,151 фр. 87 сент.; концерты, балы и кофейни-концерты собрали 237,068 фр. 11 сент., разныя куріозы — 12,253 фр. 70 сент.; всего 1,377,671 фр. 27 сантимовъ.

Въ составѣ труппъ произошло передвиженіе. Брессанъ

измѣнилъ театру Гимназіи и продолжаетъ дебюты на Французскомъ. Послѣ *Femmes savantes* и *Mon étoile*, пьески, нарочно для него написанной Скрибомъ, онъ игралъ трудную роль Болинброка въ *Verre d'eau*, того же Скриба, впрочемъ, при всѣхъ своихъ личныхъ достоинствахъ, не вполне оправдалъ ожиданія публики. Мѣсто Брессана въ Гимназіи занялъ Бертонъ.

На театрѣ L'Ambigu давали, подъ названіемъ *le Juif de Venise*, Шекспирова «Венеціанскаго купца» съ огромными переиначеніями, которыя заставляютъ удивляться, какъ безцеремонно обходятся во Франціи съ созданіями гевія. Но еще удивительнѣе, что журналы, претендующіе на уваженіе публики, олобрюютъ такія передѣлки.

Само-собою разумѣется, что парижскіе Англичане заняли почти весь театръ, чтобы привѣтствовать безсмертнаго Шекспира. Случай усадилъ редактора Musée des familles рядомъ съ редакторомъ одного лондонскаго журнала, и Англичанинъ рассказалъ слѣдующій, нигдѣ ненапечатанный анекдотъ объ авторѣ «Венеціанскаго купца». Это исторія о внезапной и преждевременной смерти Шекспира, повторяющая собою превосходную сцену могильщиковъ, въ четвертомъ актѣ «Гамлета».

Три года какъ Шекспиръ, удалившись со сцены и отъ свѣта, жилъ въ кругу семейства, въ родномъ городкѣ Стратфордѣ-на-Авонѣ (въ графствѣ Варвикѣ). Плоды собственнаго таланта и милости королевы Елисаветы обезпечивали, даже съ излишкомъ, его существованіе: Вильямъ получалъ около шести тысячъ серебромъ годоваго дохода. Одно только облако омрачало его мирные дни: воспоминаніе о сынѣ Гамметѣ, единственномъ наслѣдникѣ его имени, который умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, какъ и двѣ прелестныя дочери поэта, Джудитъ и Сусанна. Двадцать лѣтъ прошло послѣ этой смерти, и печаль отца была тѣмъ неутѣшнѣе, что по прошествіи этого времени, проведеннаго въ безпрестанныхъ отлучкахъ, онъ не могъ отыскать на изрытомъ стратфордскомъ кладбищѣ забытую могилу любимаго сына, хотя когда-то самъ поставилъ на ней желѣзный крестъ, съ прорѣзною насквозь надписью. Поэтъ бродилъ по нивѣ покоя, и спрашивалъ у каждой могилы, не она ли скрываетъ милый прахъ.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ онъ былъ свидѣтелемъ комической, мрачной и высокой сцены, которою начинается первый актъ *Гамлета*.

Двое могильщиковъ разговаривали и шутили, выкапывая старыхъ покойниковъ, чтобы дать мѣсто новымъ, и рассматривали черепа, которые выбрасывалъ заступъ. Шекспиръ вспоминалъ Гамлета, думалъ о своемъ сынѣ, и слушалъ со слезами на глазахъ.

Въ *Гамлетѣ* сцена кончается появленіемъ гроба Офеліи. Гамлетъ узнаетъ свою возлюбленную, и снова впадаетъ въ безуміе.

Для Шекспира сцена кончилась почти такъ же.

Поразмысливъ надъ послѣднимъ черепомъ, могильщики швырнули его къ ногамъ Шекспира, и кость покатила съ кускомъ ржаваго желѣза.

Шекспиръ поднялъ его и задрожалъ отъ ужаса.

Подъ ржавчиной еще видно было имя — *Гамметъ*.

Это былъ черепъ любимаго сына поэта.

Впечатлѣніе это такъ подѣйствовало на Шекспира, что онъ даже не успѣлъ заказать новую могилу для сына, и умеръ спустя нѣсколько дней, на пятьдесятъ-второмъ году, 23 апрѣля 1616, ровно въ день своего рожденія... Въ тотъ же самый день умеръ другой геній — Сервантесъ, творецъ *Донъ-Кихота*.

Вотъ какой печальный анекдотъ рассказывали въ веселомъ *L'Ambigu*, между-тѣмъ какъ въ театрѣ Большой-Оперы, туристъ, только-что воротившійся изъ Италіи, рассказывалъ свѣжій анекдотъ о Россіи. Всякій разъ какъ вѣтерокъ доноситъ изъ-за Альповъ имя великаго маэстро, по Европѣ пробѣгаетъ электрическая искра любопытства, и неудивительно, что около раскащика составилъ кружокъ слушателей.

Нѣсколько времени тому, Россіи просилъ одного моденскаго пріятеля прислать ему ящикъ *zatroni*, окороковъ, и *capelletti*, маленькихъ трехугольныхъ пирожковъ, которые удивительно печетъ въ Моденѣ нѣкій Паноне. Получивъ ящикъ, маэстро созвалъ пріятелей, свѣдущихъ въ гастрономіи, испробовать хва-

ленаго кушанья. Судьи поѣли, и единогласно рѣшили, что Пانونе превзошелъ самого себя. Замбони и капеллетти увѣнчались полнымъ успѣхомъ; гости кричали *bis*, и рѣшили поднести колбаснику бумажный вѣнокъ съ окорока. Это еще ничего: но ветчина такъ подѣйствовала на Россини, что онъ бросилъ салфетку, вскочилъ изъ-за стола, и началъ импровизировать на фортепіано. Разумѣется, такое событіе не прошло даромъ; одинъ моденскій поэтъ воспѣлъ его въ торжественномъ сонетѣ, и стихи эти явились во флорентинской музыкальной газетѣ, съ великолѣпными иллюстраціями.

Случай этотъ чрезвычайно обрадовалъ дирекцію Большой-Оперы: теперь есть надежда, что Россини напишетъ по-крайней-мѣрѣ комическую оперу. Чтò ему? Стоить только раскопаться! Еще два-три окорока, сотня-другая капеллеттъ—и міръ услышитъ звуки пезарскаго лебеда. О, сладкія послѣдствія ветчины!

Если Большая-Опера еще держится кое-какъ, за то Итальянскую ожидаетъ плачевная судьба: ни денегъ, ни пѣвцовъ и, кажется, не предвидится слушателей. За то лондонская итальянская опера завербовала на нынѣшній сезонъ всѣхъ лучшихъ артистовъ. Вотъ составъ труппы, объявленный въ англійскихъ газетахъ: *сопрано* — Гризи, Софья Крувелли, Віардо, Бозіо, Марай и Альбини (не смѣшивайте съ Альбони); *контральтъ* — Нантье-Дидье; *секонда-донна* — Котти, Беллини; *первыя тенора* — Маріо и Тамберликъ; *вторые* — Люкези и Стигелли; *третій* — Сольди; *баритоны* — Ронкони и Фортини; *басы* — Лаблашъ, Тальяфико, Полонини, Цельгеръ и Сурини; *капельмейстеръ* — Коста; *балетмейстеръ* — Депласть; *первый танцоръ* — Мельонъ; *первая танцовщица* — Плункетъ. Репертуаръ будетъ состоять изъ Весталки, Чернаго домино, Оберона, Матильды де-Сабранъ, Донъ-Паскуале и Донъ-Жуана.

Недавно въ Лондонѣ кончился боксъ, который еще въ прошломъ году затѣялъ Лумлей, бывшій директоръ театра Королевы, съ Геємъ, директоромъ Ковентгарденскаго театра. Причина бокса слѣдующая. Лумлей ангажировалъ, за полторы тысячи фунт. стерлинговъ, на сезонъ 1853 года пѣвицу берлинскаго театра, Вагнеръ, и обязался выдать

ей, 15 марта, триста ф. ст. задатку; въ противномъ же случаѣ контрактъ считался недѣйствительнымъ. Дѣлишки Лумлея разстроились, и онъ не внесъ задатка въ условленный срокъ. А между-тѣмъ Гей съѣздилъ въ Берлинъ, успѣлъ повидаться съ Фрейлейнъ Вагнеръ, обѣщаль дать ей двойное жалованье, и убѣдилъ ее заключить новый ангажементъ. Лумлей прискакалъ съ тремя стами ф. ст. — но уже поздно: пѣвица отвѣчала, что она ангажирована. *Inde bellum*. Лумлей требовалъ вознагражденія за огромные убытки, которые понесъ онъ, потому что театръ былъ закрытъ въ продолженіе всего сезона. Спорили, писали, кричали, и наконецъ судъ присяжныхъ рѣшилъ дѣло въ пользу Гей. Теперь Лумлею уже нѣтъ никакой возможности открыть Театръ Королевы въ нынѣшнемъ году. Остается развѣ открыть циркъ, въ которомъ бы танцовали гиппопотамы.

Слоны уже не рѣдкость; они танцуютъ въ парижскомъ Циркѣ: французская цивилизація возвысила ихъ до степени ученыхъ обезьянъ. Каріатиды эти такъ милы, послушны, что никому и въ голову не придетъ, что онѣ образчики того племени, передъ которымъ Индѣецъ преклоняетъ колѣни. Искусство дѣлать слоновъ ручными явилось еще въ древности: извѣстно, что Александръ Великій вступилъ въ Вавилонъ на слонѣ, и что Аннибалъ вскорабкался на слона, когда переправлялся черезъ Альпы. Юлій Цезарь нашелъ для этого колосса другое употребленіе: надо было чѣмъ-нибудь потѣшать толпу — и завоеватель напрасно старался сдѣлать изъ слона то, чѣмъ сдѣлалъ его теперь директоръ Цирка — паяцомъ. Въ парижской труппѣ особенно отличаются два артиста, которые играютъ какъ школьники; карабкаются на бочки и держутъ ихъ въ равновѣсіи; ходятъ на переднихъ лапахъ какъ записные эквилибристы; кувыркаются не хуже клоуновъ. Особенно граціозно выдѣлываютъ эти господа *pas des deux*, за которое публика щекочетъ ихъ маленькія ушки апплодисментами. Впрочемъ, овація, кажется, не очень льститъ самолюбію; они какъ-будто понимаютъ, что эта дань восторга теперь упала на девяносто пять процентовъ, и что лучше бы съѣсть кусочекъ сахара. Истину эту давно поняли въ Америкѣ, гдѣ одинъ практическій янка поднесъ Женни Линдъ, вмѣсто букета, мѣшокъ благозвучныхъ долларовъ. Вотъ истинное дитя вѣка!

Послѣ пируэтовъ, какіе отпускаютъ слоны, васъ нисколько не удивитъ скачокъ изъ цирка въ литературу.

— Недавно вышелъ первый томъ полнаго собранія сочиненій Франсоа Араго, содержащій въ себѣ введеніе, написанное А. фонъ-Гумбольдтомъ, и біографіи Френеля, Вольты, Уатта, и друг. Все изданіе будетъ состоять изъ двѣнадцати томовъ въ 8-ю долю листа, въ каждомъ по 600 страницъ, и раздѣлится на пять серій: популярная астрономія займетъ 2 тома, ученые извѣстія 4, біографіи 3, ученые записки 2, и доклады и смѣсь 1 томъ.

Между-тѣмъ братъ покойнаго академика, слѣпецъ Жакъ Араго, приготовилъ три тома своего послѣдняго путешествія, подъ заглавіемъ: *Les deux Océans*. Читавшіе «Воспоминанія слѣпаго» съ нетерпѣніемъ ждуть этой новой книги увлекательнаго рассказчика.

Братья Эскюдье, редакторы *La France musicale*, составили очень хорошій *Словарь теоретической и практической музыки*, къ которому Галеви, знаменитый композиторъ *Жидовки*, написалъ на нѣсколькихъ страничкахъ предисловіе — очеркъ исторіи музыки. Это уже третій музыкальный словарь на французскомъ языкѣ; вышедшій въ нынѣшнемъ столѣтіи; первый былъ Кастиль Блаза (1825), второй Лихтенталя, переведенный съ итальянскаго языка (1839). Музыка исполнски шагнула впередъ, особенно въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ. Кромѣ спеціальныхъ листковъ, посвященныхъ этому искусству, почти во всѣхъ журналахъ и ежедневныхъ газетахъ есть музыкальный фельетонъ, и оттого при чтеніи и въ разговорѣ встрѣчается множество техническихъ выраженій, не каждому понятныхъ и требующихъ объясненія. *Словарь теоретической и практической музыки*, въ этихъ случаяхъ, можетъ быть очень полезною книгой.

Рисовальщикъ Надаръ, отрада читателей *Journal roug rige*, воздвигаетъ изъ бумаги каррикатурный пантеонъ знаменитостей французской литературы, живописи, музыки, и проч. Всего будетъ 249 портретовъ... Неужели во Франціи столько пантеоновскихъ головъ?

Мы указали только на нѣкоторыя изданія, хотя въ Парижѣ вся-

кій день являются дюжины новостей—и Богъ знаетъ для кого: въ книжной торговлѣ застой, и если книга не касается современныхъ вопросовъ, то покупатель не разъ призадумается, пока вынетъ изъ кармана два франка. Литературѣ недостаетъ поощренія; масло догораетъ въ лампѣ; она едва бросаетъ слабое мерцанье, и, можетъ-быть, недалеко то время, когда она воскликнетъ, какъ умирающій Анаксагоръ забывчивому Периклу: «О Периклъ (о публика!), уже поздно: кому нуженъ свѣтъ, тотъ его поддерживаешь». Да, полно, нуждается ли она въ свѣтѣ?

Но какъ согласить это равнодушіе публики къ литературѣ съ жадностью, съ которою она бѣжитъ на продажѣ разныхъ мелочей послѣ смерти или по случаю отъѣзда великихъ писателей? Когда Викторъ Гюго собрался въ Бельгію, стулья, подсвѣчники, и прочая, «продавались»—по выраженію самого поэта—«какъ старыя замки». Желѣзная лопатка, которою знаменитый авторъ мѣшалъ уголья въ каминѣ, куплена по-крайней-мѣрѣ на вѣсъ серебра. Не дальше какъ вчера продавали бібліотеку покойнаго Армана Бертея, и полки были очищены нарасхватъ.

Въ одно время съ этою продажей былъ аукціонъ кабинета, принадлежавшаго архитектору Луиджи-Тулліо Висконти, котораго застала преждевременная смерть за достройкою Лувра. Превосходный художникъ этотъ былъ сынъ Эннія-Квирина Висконти, получившаго отъ папы Пія VI должность хранителя капитолійскаго музея, въ награду за то, что онъ окончилъ описаніе піо-клементинскаго музея, которое началъ отецъ его, Антоніо Висконти, другъ Винкельмана. Значитъ, три поколѣнія этой фамиліи трудились для искусства. Энній-Квиринъ былъ, при генералѣ Бертье, министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Римѣ (1797); потомъ однимъ изъ пяти консуловъ, а когда неаполитанская армія овладѣла вѣчнымъ городомъ, удалился во Францію, гдѣ Бонапартъ поручилъ ему управленіе музеями древностей и картинъ, похищенныхъ изъ Италіи. Принятый въ члены Института (1803), Энній-Квиринъ посвятилъ себя кабинетнымъ трудамъ и написалъ нѣсколько сочиненій объ архитектурѣ, которыя считаются теперь большою рѣдкостью.

Такимъ-образомъ кабинетъ, распроданный въ прошломъ мѣсяцѣ, былъ плодомъ усердія двухъ Висконти. Изъ картинъ, собранныхъ Эннiемъ-Квириномъ, особенно обращали на себя вниманіе десять, писанныхъ масляными красками. Онѣ представляютъ ватиканскія фрески, такъ-называемые *Рафаэлевы стансы*, и, по всей вѣроятности, принадлежатъ лучшимъ ученикамъ Рафаэля. Эннiй-Квиринъ приобрѣлъ ихъ за 2500 фр.; на аукціонѣ пошли онѣ за 8410. Отъ отца осталось также Луиджи Висконти много античныхъ и флорентинскихъ бронзъ, и нѣсколько эмалей и фаянсовъ, итальянскихъ и французскихъ, которые послужили сыну зерномъ богатой коллекціи. Висконтьевскій аукціонъ представилъ любопытные примѣры уваженія къ памяти великихъ людей и ко всему, что ихъ окружало. Картина Декана «Сраженіе Кимвровъ» продана черезъ пятнадцать лѣтъ вшестеро дороже. Портретъ наваррской королевы Жанны, матери Генриха IV, превосходная эмаль Леонара Лимузинскаго, былъ купленъ знаменитымъ архитекторомъ за 500 фр.: баронъ Селльеръ завоевалъ его за 7875 фр. Маленькій кувшинъ, расписанный въ два тона, пошелъ за 3000 фр. Рамка съ шестнадцатью барельефами изъ перцовога дерева, чрезвычайно тонкой работы, съ которыхъ были гальванопластически сняты серебряныя украшенія для молитвенника графа Шамбора, приобрѣтена барономъ Селльеромъ за 1300 фр., а Висконти случайно досталась за триста. Наконецъ, статуэтка изъ флорентинской бронзы шестнадцатаго столѣтія, на пьедесталѣ изъ краснаго финляндскаго песчаника, представляющая аллегорію Геометріи, стоявшая Висконти триста франковъ, куплена барономъ Селльеромъ за 3250, а глиняная группа Вакханки за 800 фр. Вотъ вамъ глина, которая выгоднѣ всякаго чернозема!

Словомъ, аукціонъ этотъ, состоявшій изъ хорошенькихъ произведеній искусства — этрусскихъ и греческихъ вазъ, флорентинской и итальянской бронзы, мрамора, фаянса, рѣзьбы на деревѣ и слоновой кости, картинъ, эстамповъ и проч. — доставилъ 85,200 фр.: все это стоило много-много двадцать тысячъ. Человѣкъ со вкусомъ нѣсколько лѣтъ наслаждался прекрасными вещами, а между-тѣмъ капиталъ его значительно увеличился, и пригодится дѣтямъ.

Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что если умереть или разорится знаменитая наѣздница или извѣстная актриса, парижская публика съ такимъ же рвеніемъ бросится на изношенные башмаки, шпильки, хлыстики, зубочистки. На аукціонѣ мадамъ Дошъ буквально доходило до драки за каждую вещь—отъ венеціанскихъ зеркалъ, до соусниковъ, мышеловокъ и головныхъ щетокъ.

Послѣ трагической смерти мамзель Эстеръ, которая захлебнулась въ ваннѣ, тоже слѣдовало ждать аукціона.... если бы эта актриса, оплаканная парижскими журналами, не объявила, что она благодаря Бога жива, никогда не брала ваннъ въ сумасшедшемъ домѣ и не умирала ни на секунду. Но покаместъ это опроверженіе явилось въ журналахъ, фельетоны уже оплакали утопленницу, засыпали ея могилу цвѣтами, такъ что мадамозель Эстеръ де-Бонгаръ заблаговременно узнала впечатлѣніе, какое произведетъ она послѣ своей смерти.

Похоронный пуфъ — одно изъ самыхъ вредныхъ изобрѣтеній нынѣшней французской журналистики. Страсть хоронить живыхъ дошла—было въ газетахъ до того, что извѣстія о подлинно-умершихъ уже не внушали ни малѣйшаго довѣрія, и такимъ-образомъ отправилось на тотъ свѣтъ множество артистовъ, писателей, музыкантовъ, политическихъ людей, которыхъ до-сихъ-поръ считаютъ живыми. Когда итальянскіе журналы извѣстили, что Каталани умерла окончательно, парижскіе скептики только улыбнулись: журналы, уже четыре раза хоронили итальянскую пѣвицу!

Назадъ тому лѣтъ двадцать, журналы распустили слухъ, что мамзель Флора, очень любимая тогда актриса, бросилась въ Сену!... По случаю этой катастрофы, Жюль Жаненъ написалъ одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ фельетоновъ: каждая фраза тутъ была поэтической стонъ, каждая строчка — отчаяніе. Никогда еще не выходило ничего раздражительнѣе изъ періодической чернильницы. Жюль Жаненъ довелъ некрологическій элементъ до пароксизма. Прочитавъ фельетонъ, мамзель Флора вообразила, что она въ-самомъ-дѣлѣ бросилась въ воду, и цѣлые сутки проплакала надъ своею участію. Насилу разувѣрили! Но съ-тѣхъ-поръ она не могла безъ ужаса проходить че-

резь мостъ, и до послѣдней минуты сохранила отвращеніе къ водѣ... Въ прошломъ году, мамзель Флора умерла положительно — и Жюль Жаненъ уронилъ всего двѣ-три слезинки: ужъ ей давно была приготовлена могила...

Но вотъ письмо за черною печатью, которому не хотѣлось бы вѣрить, а надо. Рубини не стало! Восхитивъ уши всего европейскаго диллетантизма, знаменитый теноръ, еще юноша голосомъ, воротился въ 1845 году на свою родину, въ великолѣпную виллу Романо, и умеръ тамъ 2-го марта, на шестьдесятъ-первомъ году.

Джамъ-Баттиста Рубини родился въ маѣ 1793 (въ одинъ годъ съ Россини), въ деревнѣ Романо, близъ городка Бергама, который Итальянцы называютъ уже не отечествомъ Арлекина, но *citta dei tenori*, потому-что въ немъ родились, въ теченіе послѣдняго полувѣка, всѣ лучшіе тенора Италіи: Виганони, Біанки, Ноццари, Бордонѣи, Донцелли, два Давида и Рубини.

Отецъ знаменитаго тенора былъ почтальономъ и отдалъ сына въ ученіе бергамскому портному. Разъ, когда Джамъ-Баттиста сидѣлъ по-турецки на верстакѣ у раствореннаго окна, и во все горло распѣвалъ канцонетту, какой-то прохожій посоветовалъ ему бросить иголку и промышлять голосомъ. Рубини началъ учиться пѣть—и по восемнадцатому году поступилъ на театръ.

Въ великолѣпной виллѣ, которую онъ построилъ въ родной деревенькѣ, цѣлая комната была отведена для трофеевъ его искусства: тутъ вы увидѣли бы и золотые вѣнки, и брильянты во всѣхъ формахъ, и цѣлую кипу одѣ и диѳирамбовъ. Но всего драгоцѣннѣе для Рубини была старая афишка, въ рамкѣ за стекломъ, на которой импрессарио миланскаго театра *la Scala* объявлялъ, въ 1812 г., объ открытіи театральнаго сезона и составѣ своей труппы. Послѣднимъ изъ вторыхъ теноровъ-хористовъ стоитъ на этой афишѣ Джамъ-Баттиста Рубини. Тогда онъ получалъ по пятнадцати коп. серебромъ въ вечеръ! Черезъ два года Рубини поступилъ въ странствующую труппу. Первымъ его амплоа была роль Аржиріо въ *Танкредѣ*:

по двадцатому году онъ игралъ отца Аменаиды, которой уже стукнуло пятьдесятъ. Но дѣла труппы шли такъ плохо, что импрессарио вздумалъ обратить своихъ пѣвцовъ въ танцоровъ, и назначилъ, модный въ то время, балетъ *Mulinari* (Мельники). Репетировали гдѣ-то на полѣ, и потомъ пошли играть въ какой-то деревенькѣ. Но балетъ обратился въ драму. Публика проучила импровизованныхъ танцоровъ; они должны были запереться на ночь въ театрѣ и поужинать яблоками, которыми забросали ихъ зрители. Рубини съ удовольствіемъ вспоминалъ объ этомъ переомъ эпизодѣ своей артистической жизни.

Мало-по-малу послѣдній изъ вторыхъ теноровъ-хористовъ, трудясь и изучая искусство, сдѣлался первымъ изъ *primi tenori*. Хористъ, получавшій четыре раза въ недѣлю по пятнадцати копѣекъ за вечеръ, оставилъ состояніе въ миллионъ рублей серебромъ. Въ 1825, Рубини дебютировалъ въ Парижѣ, въ *Ченерентоль*; потомъ провелъ пятнадцать мѣсяцевъ въ *la Scala*, гдѣ пѣлъ по шести разъ въ недѣлю, днемъ въ фойѣ, вечеромъ въ театрѣ. Такое упражненіе должно было убить его, вмѣсто того чтобъ сформировать сильнѣйшій изъ голосовъ... но Рубини не умеръ отъ пѣнья. Около же этого времени, онъ женился на французской пѣвицѣ, мадмоазель Шомель, которую называли въ Италіи сеньорой Комелли. Свадебный контрактъ ихъ былъ подписанъ на сценѣ, при развязкѣ *Севильскаго цирюльника*; вся публика была свидѣтельницей этого брака, и встрѣтила молодыхъ рукоплесканіями.

Въ 1828 г. Рубини воротился въ Парижъ и съ-тѣхъ-поръ раздвоилъ свою дѣятельность: зимою пѣлъ въ Парижѣ, лѣтомъ въ Лондонѣ, пока Петербургъ не отнялъ его у обѣихъ столицъ.

Рубини, блиставшій на публичномъ поприщѣ, дома жилъ скромно, бережливо, даже тѣсно, въ маленькой квартиркѣ. Впрочемъ онъ безпрестанно заботился о своемъ голосѣ и, отказывая себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ, думалъ только объ удовольствіи публики. У Рубини не было дѣтей, и говорятъ, что онъ завѣщалъ большую часть своего состоянія городу Бергамо, для учрежденія въ немъ консерваторіи музыки и пѣнья. Живѣйшею страстью знаменитаго тенора была *полента* —

тѣсто изъ маисовой муки, которое, по преданію Бергамцевъ, чрезвычайно полезно для горла. Онъ любилъ это блюдо едва ли не больше аплодисментовъ.

Слышавшіе Рубини знаютъ, какимъ владѣлъ онъ голосомъ и съ какимъ инстинктивнымъ искусствомъ умѣлъ пользоваться этимъ несравненнымъ инструментомъ. Безъ всякой охоты, даже безъ способностей сдѣлаться актеромъ, часто, единственно посредствомъ своихъ звуковъ, онъ возвышалъ сценическое положеніе до самаго трогательнаго паэоса. Изъ всѣхъ возможныхъ пѣвцовъ, Рубини самый невозможный, самый опасный для подражанія. Дары, принадлежавшіе ему исключительно, позволяли ему дѣлать вещи, невыносимыя у подражателей. У Рубини было еще прекрасное качество, которое даже рѣже чѣмъ самый талантъ встрѣчается у артистовъ, любимыхъ и обогащенныхъ публикой: уваженіе къ самому себѣ. Онъ умѣлъ вовремя оставить сцену, и отказался отъ ста-двадцати тысячъ франковъ, которые предлагали ему, если онъ согласится пѣть еще полгода. Жена артиста похвалила благоразумный отказъ, и они уѣхали въ Романо. Съ-этихъ-поръ Рубини еще пѣлъ нэрѣдка, тамъ и сямъ, кой-какія аріи въ концертахъ для бѣдныхъ, но подъ конецъ охотнѣе помогалъ имъ изъ собственной шкатулки, хотя еще могъ бы извлекать деньги изъ миланскихъ кармановъ... И потомъ вовсе не стало слышно о немъ!... И потомъ, въ одно прекрасное утро, узнали, что Рубини умеръ!... И теперь онъ лежитъ посреди темныхъ кипарисовъ, подъ свѣтлымъ небомъ поэтической родины, возлѣ Доницетти, поэта любви: творецъ возлѣ истолкователя твореній!

Кстати о композиторѣ *Лючии*: туринскій скульпторъ Винченцо Вела оканчиваетъ прекрасную статую *Гармоніи*, плачущей надъ мошолою *Доницетти*. Гармонія представлена въ видѣ стройной женщины, съ изящными формами, увѣчанной звѣздами, которая стоитъ опустивъ голову, въ знакъ печали, и опершись рукою на лиру съ порванными струнами.

Взявъ дань съ музыки, смерть не пощадила и науку.

29 января умеръ въ Парижѣ Адольфъ-Жеромъ Бланки, членъ Института (по отдѣленію нравственныхъ и политическихъ наукъ), оказавшій важныя услуги политической экономіи. По пріѣздѣ въ Парижъ, Бланки слушалъ курсы химіи и медицины,

но особенно привлекала его наука, которая впоследствии доставила ему славу. Ж.-Б. Сэй ободрялъ молодого человѣка, отправилъ его за-границу для изученія иностранной промышленности, и рассказы объ этой поѣздкѣ, изданные въ 1825 году, обратили на Бланки вниманіе министра Лафитта, основателя Специальной Коммерческой Школы. Лафиттъ назначилъ молодого ученаго директоромъ ея, и Бланки сохранилъ эту должность до самой смерти. Какъ членъ промышленныхъ комисій, Бланки всегда былъ рѣшительнымъ противникомъ монополій; какъ академикъ, онъ производилъ, отъ имени академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, изслѣдованія, имѣвшія результатомъ улучшенія въ фабричной администраціи; какъ писатель, онъ участвовалъ во всѣхъ изданіяхъ, которыя имѣли цѣлью распространеніе свѣдѣній, полезныхъ для народнаго богатства, и никогда не измѣнялъ своимъ началамъ.

Въ нашъ скоро-живущій вѣкъ, мы считаемъ себя счастливыми, если дряхлость или смерть не постигаютъ насъ прежде времени, и теперь *макробиотика* есть только искусство дотянуть жизнь до рубежа, указаннаго природой, а не продлить ее за предѣлы. Въ недавно вышедшей книгѣ доктора Ванъ-Овена «On the Decline of Life in Health and Disease, being an attempt to investigate the causes of Longevity, и проч.», о причинахъ долголѣтности и ранней смерти, есть много любопытныхъ наблюденій и, между прочимъ, помѣщенъ списокъ шеститысячъ двухъ-сотъ лицъ, которыя достигли столѣтней старости — и выше. Изъ нихъ 1518 человѣкъ жили отъ 100 до 110 лѣтъ; 331 отъ 110 до 120; 99 отъ 120 до 130; 37 отъ 130 до 140; 11 отъ 140 до 150 лѣтъ. 17 человѣкъ жили болѣе полутора ста лѣтъ и, въ томъ числѣ, двоимъ исполнилось по *двѣсти* лѣтъ! За тѣмъ напечатаны имена 55 человѣкъ, перешагнувшихъ столѣтіе, которые еще были живы въ то время, какъ печаталась книга. Наконецъ, говорятъ г. Ванъ-Овень, ссылаясь на официальные таблицы, при народонаселеніи 18,897,187 душъ, изъ 1,237,986 человѣкъ, умершихъ въ теченіе пяти лѣтъ въ Англіи и Валлисѣ, 708 прожили не менѣе ста лѣтъ.

Многіе изъ приведенныхъ примѣровъ баснословной старости собраны по слухамъ — чего не скрываетъ и самъ авторъ —

за то другіе извлечены изъ достовѣрныхъ источниковъ, опираются на свидѣтельства о происхожденіи, образѣ жизни, занятіяхъ и состояніи здоровья описываемыхъ лицъ. Въ этихъ маленькихъ біографіяхъ нѣсколько проясняются условія долголѣтності, и по нимъ можно вывести два-три заключенія. Но, какъ мы уже сказали, никакая макробиотика не продлитъ жизни за естественные предѣлы, какъ нельзя никакими искусственными средствами продлить младенческой возрастъ или юность. Отъ насъ зависитъ только устранять причины, сокращающія жизнь; но ни діета, ни всѣ возможные элексиры не прибавятъ къ ней ни одного дня, и добиваться этого такъ же безразсудно, какъ отыскивать средство, которое прибавило бы росту хоть на одинъ палецъ. Безспорно, что мы сокращаемъ жизнь излишествами, но не подлежитъ сомнѣнію, что никакая воздержность не протянетъ ее дальше положеннаго срока. Есть очень любопытная автобіографія итальянскаго дворянина Корнаро, который въ молодости велъ разгульную жизнь, но сорока лѣтъ раскаялся, началъ жить съ крайнею воздержностью, и умеръ на сто-четвертомъ году. Но Корнаро нельзя брать за образецъ, и то, что послужило ему въ пользу, другаго еще скорѣе свело бы въ могилу. Человѣкъ, жившій до сорока лѣтъ такъ бурно, что ему предсказывали смерть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, если онъ не уймется, вѣроятно, былъ одаренъ необыкновенно крѣпкою организаціей. Неслыханное дѣло, чтобы человѣкъ могъ въ продолженіе шестидесяти-четырехъ лѣтъ питаться только хлѣбомъ, по три четверти фунта въ день! Всякая попытка подражать такому воздержанію очень бы разстроила здоровье обыкновеннаго человѣка, и исторія Корнаро служить только подтвержденіемъ той истины, что природная крѣпость организма есть одно изъ главныхъ условій необыкновенной долголѣтності. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводимъ слѣдующія наблюденія.

Люди, достигшіе глубокой старости, почти никогда не бывали больны. Г. Ванъ-Овенъ насчитываетъ не менѣе шестидесяти человѣкъ, которые прожили за сто лѣтъ, и ни разу не хворали. Одни изъ нихъ умерли скоропостижно, другіе слегли въ постель за одинъ или за нѣсколько дней до смерти. Но какъ ничто такъ ясно не обнаруживаетъ слабости

организма, какъ болѣзненность, — т. е. такое состояніе, въ которомъ нормальныя отправленія тѣла нѣсколько времени совершаются несогласно, — то ненарушимое здоровье въ продолженіе ста лѣтъ и болѣе служить лучшимъ доказательствомъ крѣпости тѣлосложенія.

Между-тѣмъ какъ у многихъ семидесятилѣтнихъ людей притупляются умственныя способности и чувственные органы, нѣкоторые до ста лѣтъ сохраняютъ ясность ума и воспріимчивость всѣхъ чувствъ. Авторъ приводитъ сто-пять случаевъ, гдѣ люди болѣе чѣмъ столѣтніе сохранили до конца жизни всѣ умственныя силы, цвѣтъ лица, обоняніе и вкусъ. Необыкновенная долговѣчность здѣсь опять связана съ рѣдкою крѣпостью даже самыхъ чувствительныхъ органовъ, безусловно необходимыхъ для жизни.

Лица, дожившія до глубокой старости, даже въ преклонныхъ лѣтахъ часто отличались удивительною силой мускуловъ. Въ книгѣ г. Ванъ-Овена это подтверждается тридцатью-шестью примѣрами. Приводимъ самые замѣчательные. Одинъ столѣтній старикъ прошелъ въ двое сутокъ шестьдесятъ англійскихъ миль. — Женщина, умершая ста-десяти лѣтъ, на девяносто-девятомъ году сходила изъ Ровальдъ-Кирна (въ графствѣ Юркъ) въ Лондонъ, то-есть за сто-девяносто англ. миль, въ пять сутокъ и три часа, да еще несла узелокъ съ кушаньемъ. — Одинъ солдатъ, умершій (1789) ста-четырехъ лѣтъ, былъ такъ силенъ, что на семдесятъ-седьмомъ году свободно поднималъ съ телѣги боченокъ пива, и проч.

Очень много было примѣровъ, что люди доживали до глубокой старости при такихъ условіяхъ, которыя, какъ извѣстно изъ опыта, разрушаютъ человѣческій организмъ. Многіе изъ нихъ принадлежали къ сословіямъ, которыхъ здоровье подвергается ежедневнымъ опасностямъ. Одинъ изъ этихъ Несторовъ, нищій, прожилъ пятьдесятъ лѣтъ въ подвалѣ.

Наконецъ, глубокая старость почти всегда является группами, то-есть наследственной въ извѣстныхъ семействахъ.

Нѣкто мистеръ Кричли предлагаетъ учредить въ Лондонѣ *Общество застрахованія жизни для всѣхъ націй* (United Nations Assurance Society). Основной капиталъ въ пять миліоновъ ф. ст., раздѣленный на миліонъ акцій, каждая въ пять

Ф. ст., будетъ собранъ на половину въ Англїи и на половину на материкѣ и въ Америкѣ. Первоначальный взносъ будетъ по фунту стерл. на акцію. Посланники разныхъ націй будутъ приглашены въ покровители общества. Европейскіе и американскіе акціонеры и страхователи могутъ избрать для Лондона дирекцію изъ консуловъ и значительнѣйшихъ купцовъ, которые имѣютъ пребываніе въ этомъ городѣ, и сверхъ того въ главнѣйшихъ городахъ Европы и Америки будутъ учреждены мѣстныя дирекціи и агентства, подъ управленіемъ инспектора и пяти комиссаровъ, для контроля и распространенія дѣйствій общества.

Кстати о разныхъ компаніяхъ.

Въ Парижѣ тоже составилось нѣсколько миліонныхъ компаній на акціяхъ. Одна, съ капиталомъ въ шестнадцать миліоновъ — для печенія хлѣба механическимъ способомъ; другая, съ капиталомъ въ четыре миліона — хочетъ устроить новаго рода рестораны, въ которыхъ будутъ кормить дешевою, простой, но здоровою пищей. Компанія начнетъ свои дѣйствія передъ открытіемъ всемірной выставки 1855 года... если только эта выставка состоится. Третье общество — минеральныхъ водъ, морскихъ купалень и казино, съ капиталомъ въ двѣнадцать миліоновъ франковъ, хочетъ произвести совершенный переворотъ въ пользованіи купальнями, и привлечь въ свои заведенія не только Французовъ, но и иностранцевъ.

Въ Монитѣрѣ напечатана сравнительная таблица денежнаго сбора французскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1852 и 1853 годахъ. Сборъ этотъ увеличился тридцатью-тремя миліонами франковъ. Увеличеніе это произошло отъ распространенія желѣзной сѣти открытіемъ новыхъ линій, и особенно отъ дѣятельности коммерческаго движенія. Въ 1853, приходилось на каждый километръ сбора отъ 37,712 до 41,314 фр., то-есть болѣе нежели на 15 процентовъ противу 1852 года. Самая длинная изъ всѣхъ линій въ настоящее время орлеанская, съ ея вѣтвями: она занимаетъ 1016 километровъ, и сборъ на ней доставилъ 37,013,934 фр.; самая короткая — изъ Парижа въ Ссо: одиннадцать километровъ. Сборъ сѣверной желѣзной дороги, вѣроятно, значительно увеличится въ маѣ мѣсяцѣ, по случаю открытія сиденгемскаго хрустального дворца близъ Лондона.

Французъ — Аѳинянинъ по страсти къ новому, и, безъ сомнѣнія, сотни тысячъ отправятся смотрѣть на волшебный дворецъ, о которомъ мы уже говорили въ прошлой книжкѣ. Дворецъ этотъ будетъ монументальною исторіей чудесъ нашей планеты, но всего любопытнѣе въ немъ возстановленіе допотопнаго міра. Г. Гоукинсъ приготовляетъ изъ дерева чудовища, упоминаемыя у Кювье, Овена и другихъ геніальныхъ изслѣдователей. По срединѣ пруда, который выкапываютъ въ сиденгэмскомъ паркѣ, два островка назначены для животныхъ, которыхъ породы уже не существуютъ. Но чтобы предметы вполне гармонировали между собою, окружающій пейзажъ представитъ глазамъ огромные утесы, гигантскій папоротникъ и хвощъ, и разныя чудеса допотопнаго растительнаго царства: на берегахъ какого-нибудь обширнаго болота будутъ грѣться на солнцѣ чудовища, исчезнувшія породы моллюсковъ, полипы похожіе на цвѣты, триболиты съ выдавшимися глазами, и проч. и проч. Міръ узналъ объ этихъ странныхъ существахъ по открытіямъ новѣйшихъ геологовъ. Кость, выброшенная землею, говоритъ натуралисту, къ какой породѣ принадлежало животное; рыба или ископаемая раковина рассказываетъ свою исторію также очень ясно; слѣдъ оставленный чудовищемъ на окаменѣлой глинѣ, открываетъ цѣлыя сокровища знанія. Такъ-какъ никто не видѣлъ эти существа въ цѣлости, то возстановленіе ихъ требовало большаго вниманія и большихъ свѣдѣній въ геологіи, химіи, естественной исторіи, минералогіи и сравнительной анатоміи. Посѣтители сиденгэмскаго дворца увидятъ, такимъ-образомъ, *птеродактила*, огромное пресмыкающееся съ крыльями, котораго скелетъ представляетъ всѣ характеристическіе признаки птицы, пресмыкающагося и млекопитающаго. Хотя чудовище это найдено почти цѣлое, однакожъ натуралисты не знали, къ какому классу слѣдовало причислить его. Голова и длинная шея его были похожи на птичьи, туловище и хвостъ напоминали собою обыкновенныхъ животныхъ. Эти особенности, а также очень маленькій черепъ, какъ у пресмыкающихся, и клювъ съ шестидесятью острыми зубами, расположенными въ видѣ пилы, представляли собою сцѣпленіе аномалій, которыя однакожъ умѣлъ согласить геній великаго Кювье. Ученый показалъ, что это су-

щество, повидимому чудовищное, было прекраснѣйшимъ образцомъ гармоніи, съ какою природа примѣняетъ однѣ и тѣже части скелета животнаго къ различнымъ условіямъ существованія. Животное это, кажется, могло жить въ водѣ и на сушѣ, и летать въ воздухѣ. Предполагаютъ даже, что оно могло вѣшаться на деревьяхъ, посредствомъ удлинненій, похожихъ на пальцы, которыя были прикрѣплены къ его крыльямъ. Въ спокойномъ состояніи, оно стояло на заднихъ лапахъ, какъ птица, держало прямо шею и покачивало впередъ и назадъ свою длинную лебединую шею. Перепончатая крылья, футовъ пятнадцати въ объемѣ, позволяли ему и летать и плавать. Словомъ, это было осуществленіе баснословнаго дракона.

Телеозоръ — большой крокодилъ, похожій на тѣхъ какіе живутъ у береговъ Ганга; но въ допотопные вѣка, чудовище это, вѣроятно, обитало на берегу Витби. У него огромная пасть, и челюсти, занимающія почти половину тѣла, вооружены двумя рядами ужасающихъ зубовъ.

Другое животное, также массивное — *палеотеріумъ*, величиною съ носорога. Въ монмартрскихъ ломкахъ нашли нѣсколько ископаемыхъ костей, — зубъ и челюстную кость, и представили ихъ Кювье. Посредствомъ наведенія и аналогій, ученый этотъ не колеблясь объявилъ, что кости принадлежали допотопному толстокожему животному, и описалъ его со всѣми подробностями. Впослѣдствіи были открыты и другія части остова, и подтвердили предположеніе профессора. У *палеотеріума* толстая и жесткая кожа, на концѣ морды маленькій хоботъ, и на лапахъ по три пальца. Это огромное чудовище жило на берегахъ озеръ и рѣкъ, и питалось травой и древесными листьями. Кажется, что Франція и Англія были, нѣкогда, населены этими толстокожими.

Но одно изъ самыхъ ужасныхъ животныхъ въ коллекціи г. Гоукинса — *лабиринтодонъ*, колоссальная лягушка, длиною не менѣе восьми футовъ: образчикъ допотопныхъ пресмыкающихся, формой и цвѣтомъ похожій на лягушку, съ широкою пастью и большими блестящими глазами. Въ красномъ песчаникѣ въ Германіи и Англіи часто встрѣчаются слѣды лапъ лабиринтодона.

Далѣе, *иванодонъ* — полукитъ, полуящерца, въ тридцать

футовъ вышиной и сто футовъ длиной, отъ головы до хвоста; *иктиозоръ* — рыба-ящерица, съ винтообразнымъ хвостомъ, и проч.; наконецъ, цѣлая группа *икколотерій*, которые плавали и ѣли траву въ огромномъ озерѣ, занимавшемъ мѣсто нынѣшняго Парижа.

Огромная ирландская лось, которой кости очень часто падаются въ рѣкахъ и болотахъ Ирландіи, воспроизведена, во всей своей граціи и прежнемъ величій, по скелету, находящемуся въ дублинскомъ королевскомъ музеѣ. Она имѣетъ около семи футовъ отъ копытъ до плечевой кости и около двѣнадцати до рога.

И какъ мы ступили на почву науки, то вотъ нѣсколько ученыхъ извѣстій.

— Деятнадцатый вѣкъ, уже сдѣлавшій столько практическихъ открытій въ наукѣ, даритъ экономіи металлъ, который изобильно распространенъ въ природѣ и имѣетъ всѣ физическія свойства серебра. Металлъ этотъ — *алуминій*, встрѣчающійся во всѣхъ глинахъ въ разныхъ видахъ, но особенно въ видѣ глинозема. Онъ открытъ въ 1827 Вóлеромъ, но потомъ былъ забытъ, и теперь г. Делиль снова принялся разбирать его свойства, дѣлалъ надъ нимъ опыты, и въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парижской Академіи Наукъ, представилъ, въ любопытномъ мемуарѣ, результатъ своихъ изслѣдованій. Если алуминій оправдаетъ ожиданія ученаго, то въ серебряномъ дѣлѣ произойдетъ важный переворотъ, отъ котораго особенно пострадаетъ гальванопластика.

— Г. Шатенъ, который уже нѣсколько лѣтъ съ челоуѣколюбивымъ усердіемъ изыскиваетъ средства для излеченія зоба и кретинизма, читалъ въ той же академіи записку о присутствіи іода въ воздухѣ, водахъ, почвѣ и растеніяхъ на Юрѣ, въ Валуа, Ломбардіи, и утверждаетъ, что недостатокъ этого вещества есть главная причина болѣзненной уродливости, такъ часто встрѣчаемой, особенно въ Швейцаріи.

— Г. Шарль Мартенсъ, сравнивавшій количество дождя, выпавшаго въ 1853 г. въ Парижѣ и въ Монпелье, заключаетъ, что полоса Франціи, прилегающая къ Средиземному морю — Провансъ, Лангедокъ и Руссильонъ — подвержена дождямъ

совершенно иначе, нежели при-атлантическія и внутреннія земли Франціи.

Вотъ противоположности, приводимыя г. Мартенсомъ:

На сѣверѣ дождь идетъ часто, умѣренно и никогда не бываетъ проливной; на берегахъ Средиземнаго моря онъ идетъ рѣдко, но льетъ какъ изъ ведра, и иногда по нѣсколькимъ дней сряду. На сѣверѣ дождевыя тучи идутъ съ Атлантическаго океана, гонимыя западнымъ вѣтромъ; на югѣ же эти громады тучъ, разрѣшающіяся ливнемъ, гонитъ восточный вѣтеръ. На сѣверѣ Франціи количество дождя, выпавшаго въ продолженіе всего года, никогда не достигаетъ восьмидесяти сантиметровъ; на югѣ иногда въ нѣсколько дней выпадаетъ дождя на цѣлый метръ. На сѣверѣ въ сухой годъ падаетъ двѣ трети, а на югѣ—одна треть воды противъ дождливаго года. На сѣверѣ дождь распредѣляется почти одинаково во все время года; на югѣ два дождливыя времени, осень и весна, раздѣляются сухимъ — лѣтомъ, и среднимъ — зимою. Вообще, замѣчаетъ г. Мартенсъ, сѣверъ Франціи, даже до той полосы, гдѣ растутъ оливковыя деревья, принадлежитъ къ геотометрическому поясу, обнимающему Великобританію, Бельгію, Голландію, западную Германію, Данію и Норвегію. Провансъ и Лангедокъ, напротивъ, составляютъ сѣверную часть пояса тропическихъ дождей.

— Вдова датскаго ученаго Эрштедта обратилась къ Лудовику-Наполеону съ просьбой о выдачѣ ей большой преміи, въ шестьдесятъ тысячъ франковъ, которая была назначена, въ X году, первымъ консуломъ тому, кто, своими открытіями въ электричествѣ и магнетизмѣ, окажетъ услугу, не менѣе оказанной Вольтой и Франклиномъ. Просьба вдовы Эрштедтъ передана въ Академію Наукъ, и она нарядила комиссію изъ г.г. Реньо, Бекреля, Пулье, Тенара и Депре, для представленія доклада министру народнаго образованія.

— Загадочная судьба Фраклиновой экспедиціи, возбуждавшая столько безпокойствъ, поисковъ и предположеній, внушила нѣмецкому географу, Августу Петерману, мысль, что у сѣвернаго полюса всегда стоитъ открытое море, и что въ полярныхъ странахъ климатъ гораздо умѣреннѣе того, какой бы слѣдовало ожидать по географическому ихъ положенію. Раз-

вивая свою мысль, Петерманъ ссылается на всѣ ученые авторитеты, изслѣдованія и экспедиціи, и на дознанные феномены природы. Представляемъ, въ нѣсколькихъ словахъ, его теорію.

Извѣстно фактически, говорить онъ, что у сѣверныхъ береговъ Сибири Полярное море всегда бываетъ открыто; также точно не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и на американскомъ берегу (къ сѣверу отъ группы острововъ Парри) большія полосы моря чисты ото льда и, вѣроятно, что оба моря составляютъ одинъ великій, открытый, судоходный океанъ.

Два главные входа въ этотъ «арктическій бассейнъ» суть проливы Беринговъ и Веллингтоновъ, въ которыхъ, однакожъ столько льду, что даже послѣ новѣйшихъ открытій не далеко подвинулись на этихъ пунктахъ.

Два другіе главные входа въ «арктическій бассейнъ» находятся между Гренландіей и Шпицбергеномъ и между Шпицбергеномъ и Новой-Землею; но первый представляетъ много трудностей, и только второй заслуживаетъ ближайшихъ изслѣдованій. Разумѣется, что Петерманъ дѣлалъ эти изслѣдованія *сидя въ кабинетѣ*. Если бы наука требовала, чтобы ученые непременно видѣли и посѣщали то, что описываютъ, тогда ни Риттеръ, ни Берггаузъ, ни А. фонъ-Гумбольдтъ и проч., такъ прекрасно описавшіе разныя земли, туманныя пятна и кометы, на которыхъ, конечно, не были они сами, не заслуживали бы никакого довѣрія. И однакожъ, слово и дѣло ихъ вѣрно, какъ все, что люди могутъ утверждать, основываясь единственно на свидѣтельствѣ своихъ глазъ, безъ вычисленій и измѣреній циркулемъ. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ, ученый, вооруженный всѣми доселѣ собранными фактами, выступаетъ противъ людей, которые въ спорномъ пунктѣ не могутъ отражать ни наукой, ни опытомъ. Они только говорятъ: «мы не вѣримъ тебѣ, потому что сами были на *американской* сторонѣ арктическихъ областей, и, слѣдовательно, можемъ смѣло говорить объ *азіатской*, которой не видали не только на яву, но даже и во снѣ.»

Петерманъ утверждаетъ, что легчайшій и самый выгодный выходъ въ арктическій бассейнъ для отысканія Фракинна находится между Шпицбергеномъ и Новой-Землею. Ученый дока-

зываетъ это слѣдующими фактами: Баренцъ, первый посѣщавшій эти страны (1594), нашель между Шпицбергеномъ и Новой-Землею обширную полосу льдовъ, которые ежегодно стремятся отъ береговъ Сибири въ Атлантическій океанъ. Между обоими островами встрѣчается теченіе, которое не пускаетъ ихъ далѣе къ югу, между-тѣмъ какъ американскіе берега бываютъ круглый годъ затерты льдомъ. Эти огромныя массы льда продолжаютъ путь свой между Гренландіей и Шпицбергеномъ, и, миновавъ Исландію и самыя южныя оконечности Гренландіи, обнимаютъ низкій морской берегъ Нью-Фуундлэнда до 40° сѣв. широты. Эта масса льда, задержанная теченіемъ между Новой-Землей и Шпицбергеномъ, не достигаетъ до Нордкапа, но тысячи на двѣ съ половиной англ. миль идетъ далѣе къ югу, по американской сторонѣ. Здѣсь, естественно, она загоразиваетъ путь кораблямъ, идетъ сѣвернѣе между двумя островами, однакожь еще не такъ велика, какъ на американской сторонѣ. По словамъ опытныхъ китолововъ и Гренландцевъ, путь къ сѣверу не покрывается сплошнымъ льдомъ, и зимою въ открытомъ морѣ постоянно остается цѣлая полоса незамерзающей воды, по-русски полынья.

Въ продолженіе арктическихъ зимнихъ мѣсяцевъ (съ сентября по мартъ), можно безпрепятственно пройти между Шпицбергеномъ и Новой-Землею въ арктической бассейнъ и Сибирское море. Зимою, огромныя сибирскія рѣки замерзаютъ и не могутъ препятствовать теченью, которое ведетъ въ арктической бассейнъ. Но теченье это лѣтомъ стремится отъ полюса къ югу, а зимою возвращается отъ юга въ арктической океанъ. Здѣсь Петерманъ ссылается на несомнѣнное свидѣтельство адмирала Врангеля, совершившаго въ 1820 — 1824 годахъ знаменитую экспедицію въ Полярное море, и не ограничиваясь даже этимъ авторитетомъ, обращается ко всѣмъ пособіямъ науки, и особенно къ изотермамъ, какъ основалъ ихъ теорію знаменитый Доу. Петерманъ доказалъ, что линіи теплоты движутся такъ, что западные берега Новой-Земли наиболѣе защищены отъ наноснаго льду, и что температура теплаго теченья здѣсь отъ 40 до 50° Ф. выше, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Еще одинъ авторитетъ. Извѣстный норвежскій естествоиспытатель, Кейльгау, сообщаетъ, что зимою

1824 г. на Медвѣжьемъ-островѣ, лежащемъ на одной широтѣ съ Мельвилевымъ, гдѣ замерзала ртуть, климатъ постоянно былъ умѣренный, и въ концѣ декабря шелъ дождь. Климатическія наблюденія этого ученаго достаточно подтверждаютъ изотермическую теорію Доу, на которую опирается Петерманъ. Но важнѣйшій авторитетъ — Виллемъ Баренцъ, собственными глазами видѣвшій *открытое море къ сѣверу отъ Новой-Земли*, и притомъ зимою. Онъ ясно говоритъ, что чѣмъ далѣе идти къ сѣверу, тѣмъ становится теплѣе. Баренцъ умеръ во время третьяго своего путешествія (1597), съ твердымъ убѣжденіемъ, что далѣе между двумя островами (Шпицбергеномъ и Новой-Землею) онъ вступилъ бы въ открытый арктической бассейнъ.

Теорія Петермана, изложенная имъ въ брошюрѣ «The Search for Franklin», возбудила смѣхъ въ членахъ адмиралтейства, но нашла ревностнаго приверженца въ Англичанинѣ Гарригтонѣ, который защищаетъ ее любопытными положеніями. Въ недавно-изданной брошюрѣ о Франклиновой экспедиціи, Гарригтонъ утверждалъ, что у полюсовъ электричество магнитной стрѣлки скоплялось въ такомъ количествѣ, что могло воспламенить атмосферу, и что, слѣдовательно, страны сѣвернаго и южнаго полюсовъ, не только не самыя холодныя, но скорѣе самыя жаркія на земномъ шарѣ! Ясный, подобный грому шумъ, который часто слышатъ мореплаватели въ полярныхъ моряхъ, а слабоумные эмпирики до-сихъ-поръ считаютъ за трескъ сталкивающихся льдинъ, есть, по мнѣнію Гарригтона, трескъ электрическаго пламени, отраженіе котораго мы видимъ въ сѣверномъ сіяніи. Между огненнымъ моремъ у полюсовъ и ледяными берегами сѣвернаго и южнаго континентовъ, думаетъ онъ, должны находиться умѣренные пояса, — предположеніе, которое доказывается тѣмъ, что животныя полярныхъ странъ зимою стремятся еще далѣе къ сѣверу.

Подъ этимъ-то благодатнымъ небомъ, вѣроятно, и засѣлъ сэръ Джонъ Франклинъ съ своими спутниками, и живетъ тамъ очень пріятно, хотя не можетъ подвинуться ни назадъ ни впередъ, потому-что въ лицо ему пышетъ пламя, а въ спину дуетъ южный вѣтеръ, который раздуваетъ этотъ огонь, и про-

тивъ котораго можно идти только на парходѣ. Авось Гаррингтонъ какъ-нибудь выручитъ новою гипотезой!

— Г. Блокъ, корреспондентъ Центральнаго Общества Земледѣлія, недавно представилъ ему статистическую записку о земледѣльческомъ народонаселеніи Франціи, изъ которой видно, что во Франціи считается теперь:

Землевладѣльцевъ, которые сами обрабатываютъ свою собственность, около	7,160,000
Фермеровъ	2,589,000
Арендаторовъ	1,413,000
Поденьщиковъ	6,123,000
Работниковъ, нанимаемыхъ погодно	2,749,000
Дровосѣковъ	321,000
Ремесленниковъ сельскихъ общинъ	4,000,000

Такимъ-образомъ двѣ трети рукъ всего народонаселенія государства употребляются единственно для того, чтобы производить пищу. «Въ земледѣліи нашемъ, замѣчаетъ г. Сен-Жерменъ Ледюкъ: распределеніе работы еще очень далеко отъ хорошаго, и, въ этомъ отношеніи, намъ надо еще много учиться у нашихъ за-ламанскихъ сосѣдей».

— Астрономъ Маршъ открылъ, ночью 1 марта, на обсерваторіи г. Бишопа, въ Реджентъ-Паркѣ (въ Лондонѣ), новую планету, принадлежащую къ звѣздамъ десятой величины. Это уже двадцать-осьмая планета, открытая съ начала нынѣшняго столѣтія. Она проходитъ между Марсомъ и Юпитеромъ, и будетъ называться *Амфитритой*.

— Говоря о небесныхъ звѣздахъ, не забудемъ земныхъ, если справедливо, что цвѣты—земныя звѣзды. Тулузское Общество Садоводства недавно прислало въ Парижъ огромный букетъ, на который пошло десять тысячъ фіалокъ и треста камелій. Онъ имѣетъ аршинъ въ поперечникъ и вышиною около аршина съ четвертью. Верхушка сдѣлана, въ видѣ купола, изъ фіалокъ и окружена обручемъ изъ камелій. По куполу спадаютъ гирлянды, тоже изъ камелій, и на немъ лежитъ вѣнокъ, а въ серединѣ вѣнка вензель изъ померанцевыхъ цвѣтовъ и бѣлыхъ маргаритокъ. Букетъ связанъ голубою лентой. Едва ли въ какомъ букетѣ было столько прелестныхъ фіалокъ, которыхъ монополія принадлежитъ полямъ Тулузы.

— Въ англійской и американской литературѣ въ настоящее время одни только путешествія могутъ обратить на себя вниманіе: новыхъ замѣчательныхъ романовъ совершенно нѣтъ; въ ученой литературѣ—только переводы или передѣлки съ нѣмецкаго. Вотъ замѣчательнѣйшія произведенія послѣднихъ мѣсяцевъ:

— *Норвегія и ея ледники*, съ приложеніемъ журналовъ путешествій въ Альпахъ, Дофинэ, Бернѣ и Савоѣ, Джемса Форбеса (Norway and its Glaciers visited in 1851, followed by Journals of Excursion in the High Alps, of Dauphiné, Berne and Savoy. By James Forbes. Edinburg).

Естественный испытатель Форбесъ отправился въ Норвегію съ двойною цѣлью: во-первыхъ, сдѣлать наблюденія надъ солнечнымъ затмѣніемъ 28 іюля 1851 года и во-вторыхъ, осмотрѣвъ норвежскіе ледники, сравнить ихъ съ ледниками Швейцаріи; но только въ этомъ году издалъ результаты своихъ наблюденій. Оставивъ Христіанію, Форбесъ отправился въ Дронггеймъ. Знаменитые Дофрефильдскія горы не произвели на него слишкомъ большаго впечатлѣнія, и первые слѣды дѣйствія ледниковъ показались только въ высокихъ проходахъ по-ту сторону Конгвольда (Kongvold). Шнегеттанъ (Snnehättan), высочайшая гора Норвегіи, по измѣренію Форбеса не превышаетъ 7,600 надъ уровнемъ моря.

«Возвратившись, послѣ осмотра этой горы, въ Джеркиндъ (Jerkind), мы поужинали супомъ изъ оленины, который показался намъ превосходнымъ. На слѣдующій день мы миновали высочайшую точку горнаго прохода,—около 4,100 ф. надъ уровнемъ моря. Это, какъ мы полагаемъ, самая высокая проѣзжая дорога въ сѣверной Европѣ»... «Переѣздъ отъ Конгвольда къ Дрифстуну (Drivstuen), замѣчательный красотой видовъ и чрезвычайною покатостью пути, былъ столько разъ описанъ, что мы считаемъ излишнимъ входить по этому случаю въ подробности. Мы должны, впрочемъ, замѣтить, что на высочайшемъ мѣстѣ этой дороги, слѣды дѣйствія ледниковъ не подлежатъ сомнѣнію. Кто хоть разъ видѣлъ это мѣсто, называемое *Ваарстигъ* (Vaarstig), тотъ никогда его не забудетъ. Здѣсь долина, довольно широкая при началѣ прохода, внезапно

съуживается до такой степени, что, кажется, совершенно замыкает путь: потоки валятся стремглавъ въ скалистые бездны и большой изгибъ скалы, гдѣ идетъ дорога, лежитъ на 900 футовъ выше потока, который мы перешли. Здѣсь мы снова нашли такъ-называемые слѣды ледниковъ (ложбины и особенную полировку камня), идущіе по направленію проваловъ и совершенно похожіе на тѣ, которые замѣчены въ альпійскихъ долинахъ. Появленіе здѣсь этихъ слѣдовъ довольно вѣрно объясняется теоріей ледниковъ. Масса льда нашла себѣ главный исходъ въ эту долину, а остановившись тамъ за изгибомъ скалы, должна была, по мѣрѣ таянія льда, протѣсниться оттуда далѣе, оставляя на скалахъ слѣды своего движенія. Въ этой долинѣ, гдѣ такое прохожденіе ледниковъ не подлежитъ сомнѣнію, можно сдѣлать только одно замѣчаніе: почему слѣды его видны не вездѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ? Главная причина этого, по моему мнѣнію, заключается въ той замѣчательной быстротѣ, съ которою разлагаются скалы въ Норвегіи, а слѣдовательно и изглаживаются всѣ черты на ихъ поверхности. Огромныя массы гранита отрываются здѣсь ежегодно и несравненно чаще чѣмъ въ Швейцаріи. Причину этого должно искать не только въ суровости зимнихъ холодовъ, но и во множествѣ снѣговъ и дождей, выпадающихъ въ горахъ Норвегіи. Такія паденія называются *bergrap* и причиняютъ иногда сильныя опустошенія въ округѣ Бергена».

Далѣе Дронтгейма рѣдко отправляются путешественники, потому-что за Дронтгеймомъ, лежащимъ въ трехъ градусахъ отъ полярнаго круга, Норвегія является узкою, прибрежною половою, почти совершенно не имѣющею продольныхъ долинъ. Здѣсь почти вовсе нѣтъ мѣстъ способныхъ къ обработкѣ, а тѣмъ менѣе для проведенія дороги. Холмы, идущіе отъ главной цѣпи горъ въ море, безпрестанно прорываются заливами и озерами, а часто и совершенно отдѣляются отъ материка въ видѣ крутыхъ и недоступныхъ острововъ. «Если къ этому прибавить все болѣе и болѣе выказывающійся полярный климатъ, гдѣ зима царствуетъ три четверти года, то понятно, что, оставляя Дронтгеймъ, мы встрѣчаемъ страну замкнутую, отдѣленную отъ всего остальнаго міра и представляющую много особенностей». Профессоръ Форбезъ отправился далѣе на пароходѣ,

идушемъ въ Гаммерфестъ, самый сѣверный городъ въ мірѣ. Здѣсь естествоиспытатель на каждомъ шагу находитъ слѣды огромнаго движенія ледниковъ. Картины этихъ пустынныхъ береговъ весьма живописны. Форбезъ первый имѣлъ случай осмотрѣть и описать ледники, лежащіе подъ полярнымъ кругомъ. Онъ приставалъ къ берегу, гдѣ только могъ, и богатство растительности въ этихъ пустынныхъ странахъ приводило его въ изумленіе. Къ обыкновенной горной растительности, которую можно видѣть и въ горахъ Шотландіи, присоединяется здѣсь еще нѣсколько новыхъ породъ цвѣтовъ и ягодъ. Обыкновенная береза, съ богатою и зеленою листвою, достигаетъ высоты 12 и 15 футовъ и перемѣшана съ осиною, горной ясеню и двумя породами ивы. Около города Тромзё (Tromsö), подъ 69° 40' сѣв. широты, профессоръ Форбезъ посѣтилъ лапландскій лагерь.

«Выбравшись наконецъ изъ лѣсу и перейдя ручей, мы увидѣли лапландскій лагерь на сухомъ и зеленомъ лугу въ двухъ съ половиною миляхъ отъ морскаго берега. Безобразныя кучи кольевъ и груды торфа походили на что вамъ угодно, только не на человѣческія жилища. Эти колья — только скелеты палатокъ, которыя въ худую погоду закрываются кожами. Теперь же все наружу: посуда и платья развѣшены на жердяхъ. Двѣ низкія, круглыя насыпи, сдѣланныя изъ торфа и покрытыя вѣтвями и кольями, составляютъ жилище множества мужчинъ, женщинъ и, въ особенности, дѣтей, которымъ, казалось, не было счета. Небольшой ростъ, грязь, нечистота — не дѣлали ихъ привлекательными; но всмотрѣвшись ближе, я началъ примиряться съ этими лицами, хотя непохожими на европейскія фізіономіи, но вовсе не лишенными ума и доброты». Профессоръ Форбезъ весьма удивился, увидѣвъ, что нѣкоторые Лапландцы занимались въ своихъ хижинахъ чтеніемъ Библии и письмомъ, и еще болѣе, когда они отказались отъ водки, которую его спутники предлагали имъ. Главный промыселъ ихъ — олени. Возвращаясь на пароходъ, Форбезъ наслаждался удивительнымъ закатомъ солнца, напомнившимъ ему Неаполь, и до слуха его доносились гармоническіе звуки русской пѣсни: «русскіе матросы, прибавляетъ профессоръ, забавляются цѣлую ночь, покачиваясь въ лодкахъ и распѣвая пѣсни».

Въ окрестностяхъ Гаммерфеста, Форбезъ видѣлъ замѣчательнѣйшіе изъ норвежскихъ ледниковъ, сохраняющихъ вполнѣ альпійскій характеръ. Возвратившись въ Бергенъ за три дня до затмѣнія, Форбезъ затмѣнія не видалъ, потому-что небо было покрыто тучами, и на другой же день отправился осматривать ледники къ востоку отъ этого города. Изысканія его придали весьма много новыхъ фактовъ къ физической географіи Норвегіи и въ особенности важны для изученія движенія ледниковъ.

— *Скандинавскія Приключенія*, Л. Ллойда (Scandinavian Adventures. By Lloyd). Книга мистера Ллойда совершенно въ другомъ родѣ. Мистеръ Ллойдъ—страстный охотникъ; онъ ищетъ въ охотѣ сильныхъ ощущеній и преслѣдуетъ свои жертвы безъ устали — въ водѣ, на воздухѣ, въ лѣсу, въ снѣжныхъ пустыняхъ и въ горныхъ ущельяхъ. Его ведетъ не одна страсть убить то или другое животное, но и любовь къ дикимъ картинамъ природы и даже тайная симпатія къ медвѣдямъ, волкамъ, сайгѣ, оленямъ... Онъ знаетъ до глубины всѣ привычки своихъ пріятелей и рассказываетъ ихъ мастерски. Книга его полна безконечными анекдотами, изъ которыхъ мы приведемъ только одинъ, показывающій, что страсть къ охотѣ можетъ иногда повести гораздо дальше, нежели полагаешь.

«Задолго до разсвѣта 15 января 1853 г. (котораго я, навѣрное, никогда не забуду), я и мой другъ Свенсонъ, съ которымъ мы перебили множество медвѣдей, выбрали на отысканный слѣдъ звѣря. Съ нами были еще Элгъ и старій солдатъ Аттеръ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы выслѣживать и облапывать медвѣдя. Мы взяли еще съ собой большія сани, употребляемыя шведскими крестьянами для перевозки снѣга и дровъ, и на которыхъ разчитывали привезти медвѣдя; но, увы! они послужили совсѣмъ для другаго употребленія. Снѣгъ былъ глубокъ и рыхлъ, дорога дурна и шла все въ гору. Уже почти совершенно разсвѣло, когда мы добрались до стога сѣна, стоявшаго на маленькомъ возвышеніи неподалеку отъ того мѣста, гдѣ былъ обтопанъ медвѣдь, такъ-что между нами и имъ должно было оставаться всего сотня-другая шаговъ болота. Мы присѣли подъ стогомъ и закусили, потому-что длинный моціонъ возбудилъ нашъ аппе-

тить. Кругъ, гдѣ долженъ былъ лежать медвѣдь, былъ не великъ, но въ серединѣ этого круга помѣщался довольно порядочный и лѣсистый холмъ, запушенный снѣгомъ. — «Медвѣдь лежитъ на этомъ холмѣ и непременно посерединѣ этого возвышенія, сказалъ Свенсонъ: еслижъ его нѣтъ тамъ, то значить его вовсе нѣтъ въ кругѣ», и сказавъ это, Свенсонъ отправился обойти медвѣдя съ другой стороны. Онъ былъ отличный охотникъ и я привыкъ ему во всемъ вѣрить. Я взвелъ курокъ на второй взводъ и приготовился точно такъ же какъ и мои товарищи. Въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени какая-то темная масса, не совсѣмъ ясно очерчивающаяся въ туманѣ, поднялась на добрый ружейный выстрѣлъ и въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ предсказывалъ Свенсонъ: она стояла, но шевелилась. Не сомнѣваясь болѣе, что это былъ медвѣдь, я схватилъ ружье, выстрѣлилъ, и предметъ, въ который я цѣлилъ, въ ту же минуту опустился на землю. Все это случилось такъ быстро, что Элгъ и солдатъ, стоявшіе возлѣ меня, не видали ровно ничего; да и трудно было что-нибудь видѣть ясно въ туманѣ и въ гущѣ кустарниковъ, засыпанныхъ снѣгомъ. Но въ то самое время, какъ показался огонь отъ моего выстрѣла и въ томъ самомъ направленіи, въ которомъ я стрѣлялъ, мы увидѣли мою собаку, которую взялъ Свенсонъ съ собою, и которая начала громко лаять. Увидѣвъ это, я закричалъ въ испугѣ: «Элгъ! неужели я подстрѣлилъ мою собаку?» Но собака подбѣжала къ намъ и по ея движеніямъ я видѣлъ, что она не ранена. Тогда другая мысль, гораздо болѣе ужасная мелькнула молніей въ моей головѣ. «Свенсонъ!» закричалъ я и, вмѣстѣ съ моими спутниками, бросился къ роковому холму: Свенсонъ лежалъ, растянувшись во всю длину, неподвижный какъ камень!»

Послѣ этого подвига, за который мистеръ Ллойдъ находился нѣсколько времени въ тюрьмѣ, онъ не бросилъ охотиться. Не даромъ же говорится, что охота пуще неволи. Но такъ какъ дѣло зашло объ охотничьихъ книгахъ, то вотъ еще два новыя, иллюстрированныя изданія, до того спеціальныя въ своемъ родѣ, что ихъ можетъ вполне понять только охотникъ: *Воспоминаніе объ охотѣ, и мемоары знаменитыхъ спортсменовъ*, и проч. (Records of the Chase, and Memoirs of Celebra-

ted Sportsmen etc. etc. By Cecil), и *Воспоминанія охотника* (Reminiscences of a Huntsmann. By the Hon. Grantley F. Berkeley).

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоритъ Athenaeum по поводу этихъ книгъ: намъ случилось присутствовать въ одной пуританской конгрегаціи, гдѣ проповѣдникъ убѣждалъ своихъ слушателей никогда не смотрѣть на поднятіе воздушнаго шара, весьма остроумно замѣчая при этомъ, что «человѣкъ созданъ ходить по землѣ, а не летать по воздуху». Кто же прочтетъ объ эти книги, тотъ окончательно убѣдится, что человѣкъ созданъ для охоты, и что въ мірѣ и есть только одинъ предметъ достойный вниманія — охота. Объ эти книги набиты самыми охотничьими терминами, которые мы не беремъ передавать на языкѣ нашихъ охотниковъ; но вотъ небольшой рассказъ объ охотѣ не совсѣмъ обыкновенной.

«Изъ всѣхъ странныхъ сценъ, представляемыхъ охотою, можетъ-быть, трудно найти сцену страннѣе той, когда прекрасный олень, покрытый пѣною и въ нѣсколькихъ мѣстахъ обрызганный кровью влетѣлъ въ Лондонъ черезъ Паркъ Регента и понесся по улицѣ Монтегю и Россель-скверу. Мой братъ Мортонъ и мистеръ Генри Вумбвелъ, охотившіеся со мною, успѣли остановить своихъ собакъ еще у Парка, но двѣ своры ввалились въ городъ и смѣшались съ толпою, не переставая преслѣдовать добычу. Я послѣдовалъ за ними, чтобъ посмотрѣть чѣмъ это все кончится. Женщины и дѣти кричали, мужчины бранились или атукали, лошади шарахались, а бѣдный олень прыгалъ изъ стороны въ сторону, не зная куда ему дѣваться. Наконецъ силы стали измѣнять ему, онъ принужденъ былъ остановиться и оборотиться лицомъ къ преслѣдователямъ. Я стоялъ противъ него. Въ эту минуту растворилось надъ нами окно и оттуда выглянули двѣ хорошенькія женскія головки, полныя самаго яснаго состраданія къ участи оленя. Едва онѣ успѣли проговорить «бѣдное животное!» какъ я, снявъ картузь, попросилъ ихъ отворить уличную дверь, если не хотятъ, чтобы бѣдное животное было тотчасъ же убито. Я надѣялся, что какъ только онѣ отворятъ двери, то олень по инстинкту попятится назадъ. Съ удивительнымъ простодушіемъ и поспѣшностью дѣвушки отвѣчали мнѣ: «сейчасъ! сію-минуту!» Но къ несчастью, въ эту самую минуту возлѣ пары хорошень-

кихъ головокъ, появился не то грязный кочанъ цвѣтной капюты, не то напудренная голова въ парикѣ, ноги которой торчали въ тѣсныхъ черныхъ брюкахъ. Напудренный господинъ, разодѣтый и поутиру какъ-будто къ званному обѣду, схватилъ одну изъ дѣвушекъ за кругленькое плечико и, оттолкнувъ ее къ другой, такъ что онѣ обѣ исчезли, заревѣлъ: «Какъ бы не такъ, вотъ я вамъ дамъ *сейчасъ!*» Послушай-ка пріятель (это уже относилось ко мнѣ) вмѣсто того, чтобъ впустить его сюда, я втащу тебя сюда самого, если только ты не прогонишь прочь отсюда твоего оленя. Убирайся же съ нимъ, говорю тебѣ: какъ ты смѣлъ собрать толпу зѣвакъ у моихъ дверей! убирайся, а не то, я кликну полицію!» Гнѣвъ пожилаго джентльмена и мысль, что онъ принялъ меня за фигляра, показывающаго оленя, который, можетъ-быть, за два пенса потанцуетъ на своихъ тоненькихъ ножкахъ для потѣхи публики, заставили разразиться хохотомъ меня, Эльмора, Бина и другихъ охотниковъ, собравшихся возлѣ оленя. Это такъ разсердило стараго джентльмена, что онъ скрылся и, вѣроятно, отправился за полиціей. Мы воспользовались лотками мясниковъ, остановившихся позѣвать на сцену, и окруживъ этими лотками, какъ щитами, оленя, спасли его!»

Этой живописной сценой весьма искусно воспользовался художникъ, украсившій своими рисунками «Воспоминанія охотника».

— *Путешествіе по Амазонкѣ и Рио-Негро, съ описаніемъ туземныхъ племенъ и замѣчаніями о климатѣ, геологіи и естественной исторіи Амазонской долины, Альфреда Валласа.* (A Narrative of Travels on the Amazon and Rio Negro; with an Account of the Native Tribes, and Observations on the Climate, Geology and Natural History of the Amazon Valley. By Alfred R. Wallace).

Желаніе видѣть собственными глазами роскошь растительной и животной жизни въ тропическихъ странахъ побудило настойчиваго и неутомимаго путешественника отправиться въ 1848 году къ устью Амазонки. Утромъ двадцать шестаго мая, корабль, привезшій мистера Валласа изъ Ливерпуля въ двадцать девять дней, бросилъ якорь у южной стороны устья Амазонки. Черезъ день на палубу явился лоцманъ и, пользуясь

попутнымъ вѣтромъ, повелъ судно вверхъ по рѣкѣ, которую въ продолженіи пятидесяти миль можно было отличать отъ океана только по одной тишинѣ поверхности и по безцвѣтности воды. Сѣвернаго берега не было видно, а южный отстоялъ на десять или двѣнадцать миль. Рано утромъ двадцать-восьмага числа, поднявшееся безоблачное солнце открыло глазамъ путешественника городъ (Пара), окруженный густымъ лѣсомъ, изъ котораго высовывались верхушки пальмъ и платановъ, и вдвойнѣ прекраснымъ отъ того, что въ немъ во всей силѣ появлялась роскошь тропической растительности, скудными образчиками которой мистеръ Валласъ до-сихъ-поръ любовался только въ теплицахъ и въ ботаническихъ садахъ. Лодки, снующія туда и сюда съ пестрыми толпами Негровъ и Индѣйцевъ, и коршуны, стоявшіе въ воздухѣ надъ головою или лѣниво пронесившіеся надъ берегомъ, занимали вниманіе путешественниковъ, пока таможенные офицеры осмотрѣли судно и позволили ему приблизиться къ берегу. Португальцы, до отпаденія Бразиліи, не только запрещали здѣсь всякую торговлю иностранцамъ, но даже старались распространять повсюду слухи, что Амазонка, по причинѣ неровности паденій и другимъ препятствіямъ, весьма опасна для плаванія. Однакожъ новѣйшія путешествія не только доказали лживость этихъ слуховъ, но, напротивъ, открыли, что эта рѣка, столь удобная для плаванія, служитъ величайшей артеріей коммерческихъ сношеній для цѣлаго континента и открываетъ каналъ, черезъ который неисчерпаемыя богатства Бразиліи и сосѣднихъ съ нею странъ могутъ вымѣниваться на произведенія мануфактуръ Европы. Правительство Соединенныхъ Штатовъ явилось въ главѣ предпріятія и, въ 1851 году, лейтенанту Гендону поручено было изслѣдовать Амазонку отъ самаго истока Мараньона до вступленія ея въ Атлантическій океанъ. Онъ долженъ былъ изслѣдовать всю долину Амазонки, измѣрить глубину ея притоковъ и опредѣлить ихъ удобство къ плаванію, свойство ихъ береговъ, окрестныя поля, лѣса и указать все, что можетъ быть возбуждено въ этой землѣ духомъ торговли, пароходства и цивилизаціи. Не далѣе какъ въ шестидесяти миляхъ отъ берега Тихаго океана, экспедиція достигла уже до водораздѣла рѣкъ, текущихъ въ Тихій океанъ, отъ

тѣхъ, которыя текутъ въ Атлантическій. Американская экспедиція, сообразно съ своею цѣлью, состояла изъ немногихъ лицъ, но лицъ, выбранныхъ по строгому разбору, и это доставило ей успѣхъ, потому-что иначе она бы упала подъ собственною своею тяжестью, какъ это случается часто съ англійскими правительственными экспедиціями. Большая часть арктическихъ экспедицій, наряжаемыхъ правительствомъ, начиная съ экспедиціи сэра Джона Франклина до настоящаго времени, не удались именно по этой причинѣ. Тоже можно сказать и объ экспедиціяхъ во внутреннюю Африку, наряжаемыхъ правительствами для изслѣдованія Конго и Нигера, сравнивъ успѣхи этихъ экспедицій съ успѣхами частныхъ экспедицій Мунго Парка, Ландера, Ливингстона, Освеля и Гальтона.

Доказательствомъ преимущества частныхъ экспедицій можетъ служить и экспедиція мистера Валласа, предположившаго себѣ безъ всякой помощи со стороны правительства изслѣдовать нездоровую наносную почву Южной Америки. Онъ предполагалъ покрыть свои издержки распродажею собранныхъ тамъ коллекцій натуральной исторіи. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ хладнокровно встрѣчалъ и преодолевалъ всѣ затрудненія; но въ концѣ его географическихъ изслѣдованій было восхожденіе вверхъ по Ріо-Негро отъ ея соединенія съ Амазонкою и потомъ вверхъ по Уапѣ, быстрому притоку Ріо-Негро. На Амазонкѣ онъ встрѣтился съ *пиророко*, и описываетъ это любопытное явленіе слѣдующимъ образомъ:

«Мы вышли на берегъ, и бродили по немъ, дожидаясь прилива; полицейскій агентъ сказалъ намъ, что мы лучше бы слѣдали, если бы ушли съ своею лодкою на большую глубину, потому-что *пиророко* бьетъ здѣсь очень сильно. Хотя мы думали, что онъ желаетъ насъ только напугать, но тѣмъ не менѣе послушались его, и въ-самомъ-дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ увидѣли, что огромная волна налетѣла и разбилась въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде наша лодка; но послѣ этой одинокой волны все казалось столь же спокойно, какъ и прежде, только теченіе было какъ-будто нѣсколько быстрее прежняго. Проѣзжая далѣе возлѣ берега, мы повсюду видѣли слѣды опустошенія, причиненные этой волной, *пиророко*: огромныя деревья, вывороченныя съ корнемъ, цѣлыми рядами лежали по бе-

регу и во многихъ мѣстахъ земля была отмыта. Зимою, когда приливы очень высоки, *пиророко* налетаетъ съ неистовою силою и часто разбиваетъ въ мелкія щепки лодки, оставленныя неосторожно на слишкомъ мелкой водѣ. Обыкновенное объясненіе этого явленія очевидно неправильно: здѣсь нѣтъ ни встрѣчи соленой и прѣсной воды и рѣка не суживается, какъ говорятъ нѣкоторые. Я сдѣлалъ все, какія только могъ наблюденія относительно глубины рѣки и ея отмелей. Гдѣ появляется впервые разъ это *пиророко*, тамъ большая мель пересѣкаетъ рѣку, вслѣдствіе чего теченіе нѣсколько затрудняется. За *Пара* теченіе весьма быстро и приближаясь къ *Гуома*, русло рѣки сужается. Здѣсь слой текучей воды толще, теченіе скорѣе и рѣка, набѣгая внезапно на мель, образуетъ волну: точно такъ же какъ въ маленькомъ, но быстромъ ручейкѣ большой камень, лежащій на днѣ, производитъ волненіе на поверхности. Волна эта огромной величины и такъ какъ здѣсь двигается огромная масса воды, то понятно, что эта волна идетъ далеко, не рассыпаясь. Набѣгая на скрытыя мели она растетъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сужаются берега, проносится съ большею быстротою... Но кажется подводныя отмели *Амазонки* должны имѣть какую-нибудь особенную форму, иначе это явленіе встрѣчалось бы и въ другихъ рѣкахъ. Говорятъ, что тоже самое совершается на поверхности *Можу* и *Акарра*, но такъ какъ все эти рѣки текутъ параллельно, то по всей вѣроятности, пересѣкаются однимъ скалистымъ валомъ, который и производитъ въ нихъ одинаковыя явленія. Почему же за этой волной не слѣдуютъ другія, это объясняется тѣмъ, что послѣ прохода волны приливъ подымается и потому подводная мель не оказываетъ уже такого вліянія на поверхность».

Интересная книга *Валласа* заключаетъ въ себѣ весьма много важныхъ свѣдѣній о физической географіи, геологіи, зоологіи, растительности и населеніи *амазонской долины*.

Бригъ Елена, на которомъ *Валласъ* возвращался въ Европу, загорѣлся на океанѣ, люди кое-какъ спаслись на лодкахъ, но вещи, а въ томъ числѣ и коллекціи *Валласа* погибли. Онъ горько оплакиваетъ эту потерю:

«Когда опасность миновала, я почувствовалъ всю важность своей потери. О, съ какимъ бы наслажденіемъ смотрѣлъ

я на каждое новое насѣкомое, прибавившееся къ моей коллекціи! Сколько разъ, презирая усталость, бродилъ я по лѣсамъ, и былъ всегда вознаграждаемъ за свои труды открытіемъ еще одного новаго и прекраснаго вида! Сколько бы мѣстъ, никогда еще не посѣщенныхъ Европейцами, приведены были мнѣ на память рѣдкими птицами и насѣкомыми! Сколько тяжелыхъ дней и недѣль провелъ я, поддерживаемый надеждою приобрѣсть множество новыхъ и прекрасныхъ формъ изъ этихъ дикихъ странъ. Каждая изъ нихъ была дорога для меня уже по воспоминанію, каждая доказывала бы, что я не тратилъ попусту времени и не упускалъ случая, каждая должна бы дать мнѣ занятіе на многіе годы жизни!»

Но не смотря на эту неудачу, мистеръ Валласъ недавно опять пустился въ путь, только ужъ въ другое мѣсто, не менѣе занимательное — на острова Восточнаго Архипелага.

— *Исторія Юкатана отъ его открытія до конца семнадцатаго столѣтія*, Чарльза Фонкорта (The History of Yucatan, from its Discovery to the close of the Seventeenth Century. By Charles St. John Fancourt.)

Колумбу оставалось сдѣлать нѣсколько миль, чтобы открыть Юкатанъ и Мексику, но краткій рассказъ происшествій, удержавшихъ его при островѣ Бонакко, такъ сказать, на порогѣ таинственной имперіи центральной Америки, которая была такъ близко, не подавая и признака жизни, не можетъ не тронуть сердца того, кто сочувствуетъ несчастіямъ этого гениальнаго человѣка. Великій мореплаватель, слѣдуя уже не съ такою увѣренностью указаніямъ своихъ ожиданій, поворотилъ къ югу и оставилъ настоящее открытіе Юкатана Де-Солису и Янезу Пинзону, сдѣланному ими въ 1506 году. Впрочемъ это первое путешествіе было только попыткою, и земля эта была совершенно открыта уже въ 1517 году Фернандомъ Кордуанскимъ. Оставилъ Кубу,

«онъ приплылъ къ странѣ до-сихъ-поръ еще неизвѣстной и присталъ къ мысу, который онъ назвалъ Las Mugeges, по причинѣ открытыхъ тамъ каменныхъ башенъ и часовенъ, покрытыхъ деревомъ и травою, въ которыхъ были поставлены рядами идолы съ женскими обликами. Испанцы были удивлены, найдя въ первый разъ въ Америкѣ крѣпкія каменные зданія и

жителей, одѣтыхъ богато и со вкусомъ: въ первый разъ они нашли на дикаряхъ рубахи и плащи изъ бѣлой и крашенной матеріи, головы ихъ были убраны перьями, а въ ушахъ блестяли золотыя и серебряныя украшенія.»

Въ Юкатанѣ открыто было много храмовъ, наполненныхъ идолами, самыхъ странныхъ формъ. Истребленіе этихъ идоловъ началось довольно пустымъ случаемъ. Когда Кортесъ совершалъ свой знаменитый походъ въ Гондурасъ, то перерѣзалъ при этомъ случаѣ Юкатанскій полуостровъ въ основаніи, строя повсюду мосты и походныя пристанища. Въ это время на оленьей охотѣ заболѣла лошадь Кортеса, но осталась жива, хотя «лучше бы было если бы она издохла» какъ выражался объ ней энергически самъ Кортесъ. Принятый весьма хорошо итцаланскими Индѣйцами Кортесъ, уходя отъ нихъ,

«оставилъ имъ на попеченіе свою лошадь Морзилло, которая хромала. Онъ просилъ ихъ позаботиться о своемъ любимомъ конѣ и сказалъ, что какъ только онъ встрѣтится съ Испанцами, которые его ищутъ, то и пришлетъ за лошадыю. Если же Морзилло пропадетъ, то уже никакъ не отъ недостатка попеченія со стороны Индѣйцевъ, а скорѣе отъ ихъ излишней заботливости. Они дѣлали все, что могли, чтобы помочь и, смотря на диковинное для нихъ животное, какъ на существо одаренное разумомъ, предлагали ему куръ и другія подобныя яства, подносили ему множество букетовъ цвѣтовъ, какъ это они обыкновенно дѣлаютъ при болѣзни людей знатныхъ. Это вниманіе похоже на то, которое, какъ рассказываетъ шутъ въ трагедіи *Король Лиръ*, оказывалъ поваръ изъ излишней любви къ своему коню, намазывая масломъ сѣно. Естественнымъ послѣдствіемъ индѣйскаго гостепрѣимства, было то, что Морзилло издохъ и тутъ-то началось истинное несчастіе; потому что, какъ замѣчаетъ патеръ Гутьеръ, «хотя нѣкоторые утверждаютъ, что идолы были уже сожжены въ присутствіи Кортеса, однако это неправда и Кортесъ, оставивши свою лошадь Итцехамъ, прибавилъ еще одного и самаго гнуснаго идола къ старымъ». Слова эти, объясняетъ намъ достойный лѣтописецъ увѣдомляя, что по смерти Морзилло, Итцехи, высѣкли изъ камня статую этой лошади и сдѣлали ее идоломъ. Она

была поставлена на полу въ главномъ храмѣ и представляла лошадь, поднявшую переднія ноги и присѣвшую на заднія. Дикари поклонялись ей какъ божеству грома и молніи и дали ей особенное названіе Дзиминхакъ — «узда грома». Къ этому они были побуждены тѣмъ, что видѣвъ, какъ Испанцы стрѣляли на охотѣ черезъ головы своихъ лошадей, воображали, что причиной всего шума и грома была лошадь.»

Вотъ еще другой разсказъ изъ книги Фанкорта, относящійся къ обращенію Индѣйцевъ въ христіанство.

«Отцы Вилялпандо и Бенавенте явились въ городъ Мани босые и съ крестомъ въ рукахъ, въ концѣ 1547 года. Они были приняты здѣсь очень хорошо и народъ помогъ имъ выстроить церковь и домъ. Но кромѣ своей проповѣди, миссіонеры старались также отвлечь народъ отъ вліянія кациковъ. Кацики испугались и, сговорившись, рѣшились ночью и потихоньку сжечь церковь, а съ нею вмѣстѣ и миссіонеровъ. День исполненія былъ назначенъ 28 сентября 1548 года наканунѣ праздника Св. Михаила, и миссіонеры совершенно не знали о существованіи этого заговора. Случилось однакожь, что въ самый день, избранный для убійства, индѣйскій мальчикъ, недавно окрещенный, пришелъ къ отцу Вилялпандо за религіозными наставленіями, и сказалъ ему:

— Св. отецъ, отвѣчай мнѣ на вопросъ, который я хочу предложить тебѣ.

— Спрашивай, отвѣчалъ миссіонеръ, и мальчикъ продолжалъ:

— Что лучше, жить или умереть?

Лучше жить, отвѣчалъ Вилялпандо, потому-что жизнь есть наше единственное состояніе, тогда какъ смерть есть наслѣдство пріобрѣтенное грѣхомъ.

— Если такъ, отецъ, сказалъ ребенокъ: то если вы оба желаете жить, бѣгите отсюда сію же минуту, потому-что главы нашего народа опредѣлили вашу смерть, и вы въ эту же ночь всѣ будете сожжены въ вашей церкви, если въ ней останетесь.

Отецъ Вилялпандо не обнаружилъ при этомъ извѣстїи ни малѣйшаго испуга, поблагодарилъ мальчика, сказалъ, что жизнь ихъ въ рукахъ Божіихъ, и приказалъ ему на эту ночь идти къ своимъ родителямъ, а на другой день опять навѣстить

миссіонеровъ. Мальчикъ выразилъ сомнѣніе, что онъ заста-
нетъ ихъ въ живыхъ; но отецъ Вилялпандо, благословивъ его,
отпустилъ, а самъ пошелъ къ своему товарищу, объявить эту
страшную новость.

Отецъ Бенавенте испугался, но Вилялпандо успокоилъ его;
они вмѣстѣ отправились въ церковь и, павъ на колѣни пе-
редъ Распятіемъ, молили Спасителя поддержать ихъ въ пред-
стоящихъ страданіяхъ. Они провели весь вечеръ въ молитвѣ
и религіозныхъ бесѣдахъ, и отецъ Вилялпандо не опустилъ
ни какихъ разсужденій, чтобы примирить своего товарища съ
мыслью о мученической смерти, которая ожидала ихъ обоихъ.

Когда они такъ разсуждали, наступила ночь и въ одиннадцать
часовъ они услышали тихій говоръ приближающейся толпы.
Выглянувъ въ окно зданія, миссіонеры увидѣли множество Ин-
дѣйцевъ, вооруженныхъ дубинами, стрѣлами и копьями и по-
трясавшихъ зажженными факелами. Индѣйцы окружили цер-
ковь со всѣхъ сторонъ и начали кричать, что они думаютъ
сжечь зданіе до основанія и убить миссіонеровъ, если только
они попытаются убѣжать. Эти крики продолжались цѣлый часъ;
но безстрашные миссіонеры оставались въ церкви, не отвѣ-
чая на нихъ и не переставая молиться. Пораженные этимъ
спокойствіемъ Индѣйцы снова принялись кричать и грозить;
но мало-по-малу бѣшенство ихъ утихло, крики замолкали и къ
утру ихъ уже не было вокругъ церкви: миссіонеры начали
свою утреннюю молитву Св. Михаилу за избавленіе ихъ отъ ги-
бели. Утромъ же пріѣхалъ совершенно неожиданно отрядъ ис-
панскихъ солдатъ, посланныхъ совсѣмъ въ другую сторону,
но заблудившихся въ лѣсу и прибывшихъ въ Мани на звонъ
колокола, которымъ миссіонеры сзывали къ утренней молитвѣ.
Великая была радость съ обѣихъ сторонъ при этой встрѣчѣ, и
когда миссіонеры рассказали объ опасности, которая имъ угро-
жала, то Испанцы присоединили свои голоса къ благодарствен-
ной молитвѣ.

«Въ обычный часъ утра, церковный колоколъ началъ звать
Индѣйцевъ къ молитвѣ, но ни одинъ изъ нихъ не явился, ис-
ключая мальчика, который уведомилъ Вилялпандо о разгово-
рѣ. Онъ рассказалъ, что всѣ Индѣйцы, боясь вооруженныхъ
Испанцевъ, о прибытіи которыхъ они узнали, убѣжали въ го-

родъ, но что онъ пришелъ посмотрѣть, живъ ли Вилялпандо. Добрый священникъ обласкалъ мальчика и разсказалъ Испанцамъ и ихъ предводителю Каудилло всю исторію: Каудилло донесъ объ этомъ Антеянтадо въ Меридѣ, и Антеянтадо распорядился наказаніемъ заговорщиковъ. Двадцать семь изъ нихъ, самыхъ главныхъ, были взяты и отведены въ Мериду, гдѣ они сознались въ своихъ преступленіяхъ и были приговорены къ сожженію. Уже огонь пылалъ въ рукахъ исполнителей, и Индѣйцы, связанные по рукамъ и по ногамъ, готовились умереть, когда Вилялпандо бросился на колѣни передъ губернаторомъ и молилъ его со слезами простить виновныхъ. Губернаторъ долго не соглашался, но наконецъ уступилъ его просьбамъ и велѣлъ передать преступниковъ религіознымъ попеченіямъ меридскаго монастыря».

ЗАМѢТКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ.

О пьесахъ патріотическихъ. — Драмы г. Кукольника. — *Вѣсть о побѣдахъ.* — *Подвигъ Ширванскаго полка.* — О передѣльвателяхъ и передѣлкахъ. — *Станціонный смотритель.* — Шутка. — Герои замѣняются людьми. — О томъ, какъ люлей передѣлываютъ въ герои. — Старая, но хорошая пьеса. — Новый водевиль. — Пѣснь Курси. — Комедія Понсара. — Толки и противорѣчія, возбужденные этою пьесой. — Исполненіе ея на нашей сценѣ. — Концерты г. Давида и д-цы Ингеборгъ-Штаркъ. — Музыкальность Петербурга въ нынѣшнемъ году, сравнительно съ прошлымъ. — Зачѣмъ ише ѣздить въ театръ? — Бинокли. — Бенефисъ г. Кажинскаго. — Новые таланты. — Музыкальный фокусъ. — Живыя картины. — Бенефисы: г-жи Леоновой, гг. Вальца, Шаффера, Дютша и Сѣркова. — Концертъ въ пользу инвалидовъ. — Франкенштейнъ и Лешетицкій. — Благотворительный раутъ. — Неменѣе благотворительный концертъ. — Литературное утро г-жи Рога. — Г. Разими. — Лекція г. Куторги. — Новости въ будущемъ. — Вѣсти изъ Тифлиса. — Некрологъ.

Русскіе спектакли.

Да не осудитъ меня снисходительный читатель, встрѣчая въ настоящихъ замѣткахъ моихъ отчетъ о спектакляхъ французскомъ и русскомъ: изобиліе статей не дало мѣста этому отчету въ прошлой книжкѣ нашего журнала, и потому мнѣ поневолѣ приходится говорить о театрѣ поздно, — но лучше поздно чѣмъ никогда!

Первое мѣсто между пьесами, игранными на Александрин-